

Е. СОБОЛЬ

ДАРИТЕЛИ

СЕРДЦЕ
БУРИ

Дарители

Екатерина Собољ

Сердце бури

«РОСМЭН»

2018

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Соболь Е.

Сердце бури / Е. Соболь — «Росмэн», 2018 — (Дарители)

ISBN 978-5-353-08814-1

Пятая, заключительная книга саги Е. Соболь «Дарители». Смертельная опасность надвигается на сказочное королевство. Удастся ли Генри спасти от гибели своих друзей и близких, все то, что он любит? Ради этого он готов снова стать пешкой на игровой доске и даже совсем ее покинуть, но не раньше, чем попытается сразиться с могучей, безжалостной силой, во много раз превосходящей его собственную. В битве за прекрасный сказочный мир, созданный Барсом, Генри понадобится вся его доброта, мужество, твердость и, конечно, один из самых волшебных даров на свете – дружба.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08814-1

© Соболь Е., 2018

© Росмэн, 2018

Содержание

Пролог	7
Глава 1	19
Глава 2	30
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Е. Соболев

Сердце бури

В серии «Дарители» вышли книги:

1. Дар огня
2. Короли будущего
3. Игра мудрецов
4. Земля забытых
5. Сердце бури

© Е. Соболев, 2018

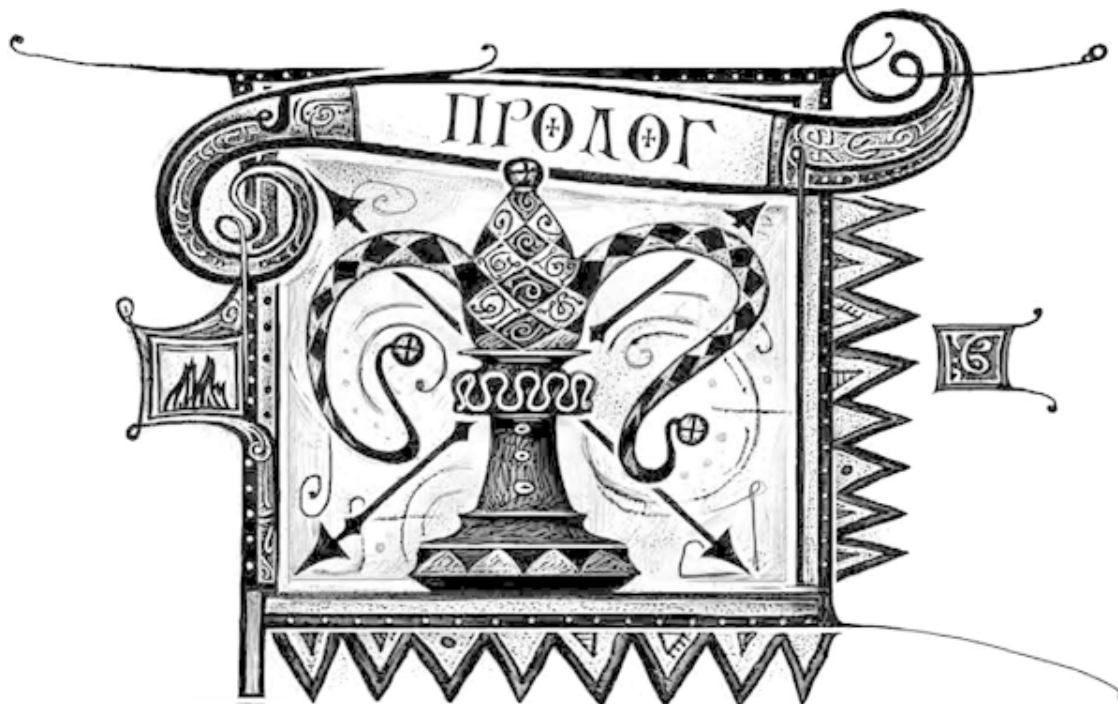
© ООО «РОСМЭН», 2018

* * *

Пролог

Говорят, все на свете однажды подходит к концу: игры и приключения, пироги и сказки. Это – моя последняя история, но я стараюсь не грустить, потому что знаю: ты меня слышишь. И разве это не чудо? Я никогда тебя не встречала, нас разделяет добрая сотня километров, но, пока ты жив, я тоже не исчезну полностью, и я желаю тебе долгих и счастливых лет впереди, мой особенный и удивительный слушатель. Мы теперь всегда будем связаны, ведь слова – тоже волшебство, и, пожалуй, самое сильное из всех.

Для меня все началось тогда, когда я встретила необыкновенного юношу, в которого тут же влюбилась, и его странного брата, – но невероятные дела вокруг начали твориться гораздо раньше. Придется мне сделать небольшое вступление, тем более что, как ни глупо это звучит из уст человека в моем положении, времени мне теперь совсем не жаль.

Жил-был на свете великий волшебник, который любил путешествовать в виде барса. Знаю, ты это уже слышал, но сказки от повторения не портятся. Итак, Барс создал наше королевство и подарил людям Сердце волшебства – удивительный предмет, который наделял каждого новорожденного даром строить прекрасные дома или сочинять музыку, управлять дождем или говорить с животными. Но спокойствие и мир вечно длиться не могут – ни у людей, ни у королевств, – и в конце концов на трон взошел злой король Освальд. Он использовал Сердце, чтобы стать бессмертным, и оно едва не погасло. К счастью, вмешался храбрый герой по имени Сивард. Он спрятал Сердце, но, увы, погиб во время своего великого похода от рук разрушителя с даром огня.

Люди верили, что однажды Барс выберет нового героя, который отыщет Сердце и вернет людям дары, но ждать им пришлось долго: триста лет. За это время богатое королевство мастеров превратилось в обветшалое и грустное королевство бездарностей. Каждому приходилось наследовать дело своих отцов и дедов – это был единственный способ хранить знания предков и хоть как-то сводить концы с концами.

Я родилась в семье, которая держит постоянный двор у дороги, а значит, жизнь мне предстояло провести за готовкой и стиркой. Меня это совершенно не радовало, но у нас не принято

интересоваться, что кого радует, тут с голоду не помереть бы – путешествия народ уже триста лет не жалуется, так что прибыльным наше дело не назовешь. Да еще и начало года в этот раз выдалось такое, что мой отец рвал и метал, подсчитывая убытки. Прямо в праздник Зимнего дня у нас во дворе побили грязного калеку, который что-то украл у постояльца. Один парень пришел ему на выручку, оба сбежали, – и внезапно к нам явился целый отряд королевских посланников. Они начали нести какую-то чушь о том, что у того парня дар огня, как у разрушителя из сказки про Сердце волшебства, а затем прихватили сыновей ограбленного господина и умчались ловить – подумать только – нового разрушителя.

– Ну вот и конец доброму имени нашего заведения, – мрачно сказал отец, провожая взглядом мундиры посланников.

К счастью, все оказалось ровно наоборот: новости разлетелись по ближайшим деревням, и теперь каждый хотел их послушать из первых уст, так что в обеденном зале все время толпился народ. Главной звездой этих заседаний был ограбленный толстяк: он утверждал, что его сыновья – избранники Барса. Якобы тот явился им в заснеженном лесу, указав путь к Сердцу волшебства, и теперь они повторяют подвиг Сиварда, но только наоборот: тот спрятал, а они найдут. Смех, да и только! Видела я этих сыновей – жалкие типы. Один тощий, мелкий и злобный, а второй толстый, туповатый и вечно поддакивает братцу.

Теперь работы у меня было столько, что я даже просыпалась уставшей, но через неделю вдруг настало очень странное утро. Открыв глаза, я впервые за долгое время не почувствовала уныния при мысли о предстоящем дне. Мне было легко и спокойно, даже улыбаться хотелось, и солнце казалось приветливым и теплым, как в детстве, когда просто радуешься восходу и не думаешь о том, как же неохота работать.

Спустившись в обеденный зал, чтобы, как обычно, развести огонь и натаскать воды, я увидела, что туда уже высыпал десяток постояльцев, – этот чистый, поразительно яркий рассвет разбудил всех. Если вы когда-нибудь оказывались на рассвете в придорожной гостинице, можете себе представить, какое это мрачное зрелище, – там ведь собираются те, кому придется путешествовать, то есть самые несчастные люди в королевстве. Как говорится, «день вне дома – день пустой», никто свой двор покидать не любит, а этим беднягам приходится развозить товары и ездить на ярмарки, такое уж у них ремесло.

Но в это утро все были довольны и веселы – переговаривались, выглядывали в окна, один старик поздоровался со мной, чего уж вообще никогда не случалось. Даже чванливый старейшина Хейверхилла больше не казался таким заносчивым – глуповато приоткрыв рот, он прислушивался к далекому лошадиному ржанию на улице. Заливалась, как обычно, лошадка, которую забыл на конюшне рыжий вор, – дурная, а девать ее некуда, приходилось кормить. Остальные кони, ясное дело, сразу подхватили, и тут старейшина вдруг сказал:

– Хозяина зовет. Говорит, что тут грустно, никто с ней не разговаривает, не треплет по холке и не протирает тряпкой.

Кто-то рассмеялся, старейшина залился краской, а я брякнула:

– А остальные что говорят?

Мама вечно предостерегала, что язык без костей меня однажды до беды доведет, но старейшина неожиданно охотно ответил:

– Говорят: «Замолчи, тупица кривоzubая, дай поспать».

Народ вокруг засмеялся громче, а мне было не смешно: я задавала лошадям корм и видела, что зубы у этой клячи и правда торчат вперед сильнее, чем у других. Но откуда про это мог знать старейшина? Впрочем, размышлять было некогда – каша на завтрак сама себя не сварит.

Я возилась на кухне, когда ко мне подошел один из гостей, оттеснил в сторону, вынул поварешку у меня из рук и попробовал кашу.

– Соли бы добавить, – пробормотал он.

– Кто ж в крупу соль сыплет! – возмутилась я.

Он будто и не слышал: нашел солонку, деловито пошарил вокруг, взял с подоконника кувшин топленого молока, отыскал на полке пучок залежавшихся сухих трав и пакетик апельсиновых корочек.

– Они для пирогов! – слабо запротестовала я.

– Да-да, – рассеянно кивнул он, подсыпая в котелок то одного, то другого.

Я стояла, не зная, звать отца или дать гостю довести дело до конца. В конце концов я забралась на подоконник и оттуда стала наблюдать – приятно было видеть, с каким удовольствием гость колдует над этой дурацкой кашей. А потом он шлепнул готовой каши в тарелку и сунул мне в руки.

– Попробуй, – нервно сказал он. – Хочу узнать, как тебе.

Моего мнения никто и никогда не спрашивал, так что у меня от удивления глаза на лоб полезли, но я с важным видом сунула ложку в рот.

Варево оказалось такое чудесное, что мне даже не по себе стало. Поглядев на меня, гость улыбнулся, и эта широкая улыбка совершенно изменила его хмурое, обожженное ветрами и морозами лицо. Он снял с полки стопку мисок и спокойно, как у себя дома, начал раскладывать кашу, а я – разносить ее гостям.

До того дня я никогда бы не поверила, что мне, неудачнице, у которой вечно прыщи вскакивают прямо посреди лица, может так повезти, но именно это и произошло: накануне моего шестнадцатого дня рождения Сердце вернулось, люди обрели дары, и на горизонте показались времена процветания и счастья. Может, на других концах королевства в это и не сразу поверили, но нам повезло: у нас был Ганс, лучший повар на свете, который до того утра всю жизнь провел, занимаясь продажей мебели. Те, кто не поверил в дары после приготовленного им завтрака, сломались после обеда, отведав восхитительных котлет из пшена, моркови и розмарина.

Вот так будущее и настало.

Старейшина теперь целыми днями пропадал на конюшне. Он утверждал, будто лошади отлично понимают все, что говорят им люди, только ответить не могут, и пытался обучить лошадей тому, что в детстве видел на каком-то представлении бродячих актеров, где лошади гарцевали, высоко приподнимая колени, и даже ходили на задних копытах. Наши кони протренировать все это отказывались, но Йенс Кэмпбелл надежды не терял.

– Ничего, они у меня еще и плясать будут, – брюзгливо ворчал он, потому что характер у него не исправился даже благодаря дару. – Вот вернутся мои мальчишки, – а они у меня теперь герои, кто еще, как не они, Сердце вернул! – и я куплю каждому из них по коню и научу тех коней такие трюки выделывать, что все ахнут!

Пара недель пронеслась как один день. Люди со своими историями приходили и уходили, и маленький пестрый мирок нашей гостиницы процветал: отец никогда еще столько не зарабатывал. Свой дар пока что мало кто нашел – оказалось, только у некоторых он появляется вот так сразу, остальным приходится делать все подряд и искать его, так что все в округе забросило работу и увлеклось поисками. К счастью, была зима, иначе пахать и сеять стало бы некому, а так только с торговлей перебой начались, но даже несмотря на это, дела у нас с отцом шли в гору. Во-первых, повар остался в гостинице, что привлекало гостей, а во-вторых, и я нашла свой дар. На первый взгляд бесполезный, он оказался просто сокровищем для нашего дела. Управление гостиницей, недавно казавшееся скучным, вдруг заиграло новыми красками, и я развлекалась на всю катушку, пока не наступил тот самый день – двадцать восьмой от Зимнего дня и двадцать первый от обретения Сердца.

Накануне случилось что-то непонятное: ближе к полуночи небо ненадолго стало зеленым, а к полудню рядом с солнцем внезапно повисла луна. Сначала всех это развлекало, люди

шутили о том, каких еще чудес ждать от новых времен, но вскоре стало не смешно: ночью солнце не исчезло, и никто не смог как следует поспать.

С утра я нагрела воды и начала, как обычно, разносить ее по комнатам, чтобы люди могли умыться, но Йенс Кэмпбелл на мой стук не ответил. Дверь, конечно, была заперта, он вечно ее запирает – боялся за все свое добро, которое прихватил, сбежав из Хейверхилла. Но странно было, что он не летит сломя голову к лошадям, как делал теперь каждое утро. Я оставила ведро под дверью и ушла. К завтраку Йенс тоже не вышел, а когда пару часов спустя я снова подошла к его комнате, она по-прежнему была заперта.

Я позвала отца, мы начали стучать вместе – никакого ответа. У нас был запасной ключ, но это ничем не помогло: ключ Йенса торчал в замочной скважине, так что пришлось взломать дверь.

Комната оказалась совершенно пуста, и не только в том смысле, что там не было Йенса. Пропали все его вещи, все бесконечные сундуки и корзины. Дверь была заперта изнутри, окно тоже: Йенс так боялся ограбления, что предпочитал спать без свежего воздуха. Мы обошли вокруг дома, но следов под окном не нашли, да и среди постояльцев никто Йенса с вечера не видел и не слышал. Бывший старейшина Хейверхилла словно в воздухе растворился.

– Одно хорошо: плату за комнату я с него брал вперед, – подытожил отец.

Новость так всех взбудоражила, что народ все утро обсуждал, что случилось, забыв даже про поиски даров. Готовкой обеда теперь занимался повар, так что я начала мыть пол, то и дело натываясь шваброй на чьи-нибудь ноги. Мне было как-то не по себе от исчезновения Йенса, и я даже не обернулась, когда распахнулась дверь и зашел какой-то новый гость. Но потом я сообразила, что он как-то слишком долго стоит в дверях, подняла голову – да так и застыла.

Это был самый милый парень из всех, кто на моей памяти заходил в нашу гостиницу. Вид у него был изможденный, изголодавшийся, но это ему даже шло: он выглядел как путешественник из дальних-дальних краев. Нечесанные вихры торчали во все стороны, щеки ввалились, одежда покрылась пылью, но у меня глаз наметанный, я сразу поняла: одежда дорогая, старинная, отлично сшитая. Но красивее всего были его глаза: темные, как у оленя, с пушистыми ресницами и таким мягким, теплым взглядом, как будто он ждет от жизни только хорошего, только чудесных, удивительных открытий. Было в нем что-то знакомое, но я никак не могла сообразить, где же мы встречались.

Парень разглядывал зал так, будто тоже видел его раньше, но не узнавал. Ну еще бы: мы недавно прибрались, все начистили, стены заново побелили! Людей гость тоже рассмотрел, и результаты этого осмотра ему не понравились – он нахмурил свои прекрасные черные брови, и вид у него стал такой растерянный, что я не смогла промолчать.

– Приветствую, сэр, и добро пожаловать в «Дом у озера», – тонким от волнения голосом проговорила я, пряча швабру за спину. – Вы как раз к обеду: всего за три медяка вы можете попробовать новое блюдо мастера повара, об искусстве которого наверняка много слышали!

Он посмотрел на меня с доброй, застенчивой улыбкой, и вот эту улыбку я вдруг узнала. «Великий Барс, как же люди меняются!» – ошалело подумала я.

– Привет. Меня зовут Сван Кэмпбелл. Я ищущий своего отца, – сказал он, и даже голос больше не был таким детским и плаксивым, как я запомнила. – Он ведь еще здесь? Большой, ворчливый, бывший старейшина Хейверхилла.

Я едва не застонала. Угораздило же толстяка исчезнуть как раз сегодня! К счастью, отвечать мне не пришлось – отец наконец заметил гостя, подскочил к нему, и следующие минут пять они переговаривались. Я возила шваброй по полу, делая вид, что не слушаю, а Сван мрачнел все больше и больше. В конце концов отец усадил его в свободное кресло около камина, сказал, что обедом «такого прославленного героя» накормят за счет заведения, в сотый раз повторил, что мы не имеем отношения к пропаже уважаемого старейшины, и скрылся на кухне.

За столами сидело человек десять – кто разговаривал, кто возился с кусками ткани, железками или деревяшками в обычных попытках найти дар. На конюшне ржала брошенная вором лошадка. Она успокаивалась, только когда Йенс был поблизости, а сегодня разошлась снова. На Свана никто не обращал внимания – он сидел, уставившись в огонь, и изо всех сил пытался скрыть, что плачет. В соседнем с ним кресле развалился какой-то высоченный господин – ни разу его не видела, наверное, въехал с утра, пока я убирала комнаты. Он жарил на огне куски пастилы, насадив их на деревянную палочку, и это было странно: пастилы у нас не подавали, да и кто ж сладкое ест перед обедом! Но мало ли что, вдруг этот человек свой дар так ищет. Я, не обращая на него внимания, бочком подобралась к похудевшему до неузнаваемости Свану. Он не обернулся, и я присела на нижний полок камина, туда, где камни приятно нагрелись от огня. Когда Сван и его брат пришли сюда с отцом в канун Зимнего дня, они показались мне сущими детьми, хотя были моего возраста. Но теперь Сван ребенком больше не выглядел.

– Это же вы Сердце волшебства вернули? – спросила я.

Он торопливо вытер щеки и повернулся ко мне.

– Я? – Он выдавил короткий смешок. – Конечно нет. Вы здесь что, про Генри не слышали?

– Не знаю, кто это. Ваш отец говорил, вы с братом – избранники Барса. – У меня от волнения аж горло пережало, но я все же договорила: – Он вами так гордится, все уши нам прожужжал!

– Гордится? Нами? – Сван попытался сморгнуть слезы, но ничего не вышло, они поползли по щекам, и он сердито вытер их рукавом. – Ну вот, расклеился. Сказал же себе, что никогда больше не буду плакать при людях, но... Я думал, они оба в Хейверхилле. Пришел туда, а там ни Хью, ни папы. И думаю: «Ну, значит, отец еще на постоянном дворе, а Хью с ним». А теперь... Я не умею быть один, у меня не получится, я и сюда-то еле дошел, я...

Он всхлипнул, пытаясь спрятать от меня лицо, и я нерешительно тронула его за рукав, не зная, как успокоить.

– Попроси молодого человека рассказать о своих приключениях, – вполголоса посоветовал наш сосед и, сунув в рот кусок раскаленной пастилы, начал с наслаждением жевать. – Хорошая история всегда отвлекает от грусти.

– У вас, наверное, немало было приключений, – начала я.

– Я не умею рассказывать. – Сван криво улыбнулся. – Слова – это не мое.

– На самом деле ему льстит твое внимание, – опять встрял сосед, продолжая шумно жевать пастилу. – Сейчас все выложит.

Я залилась краской, и Сван наконец-то посмотрел на меня, именно на меня, а не просто на работницу постоянного двора, и тоже покраснел.

– Извините. Я... Я и правда был вместе с тем, кто вернул Сердце. Его зовут Генри, вы его, наверное, помните: за ним-то посланники и гнались.

И он все нам рассказал. Это была самая потрясающая история из всех, какие я слышала! Поверить невозможно, что Барс выбрал того, у кого дар огня, но так же невозможно было представить, что Сван мог такое выдумать, – очень уж складно он говорил.

Его и правда не назвать было хорошим рассказчиком: он перескакивал с одного на другое, долго подбирал слова, волновался, как ребенок. Но я готова была простить ему все недостатки за то, как он на меня смотрел. Так, словно я была первой девушкой, которая внимательно его слушает, или настоящей красавицей, или важным человеком. Никто нам не мешал – мой догадливый папа увидел, что мы разговариваем, и по всем поручениям бегал сам: когда мне еще выпадет возможность поговорить с таким парнем!

Сван рассказывал о великом герое с даром огня, о немой девушке, торговавшей старинными предметами, о капитане посланников, который нарушил все правила, чтобы помочь Генри. О рыжем фокуснике, о страшном Освальде в железных доспехах и о добром волшеб-

нике Тисе, погибшем от руки злодея. Когда история дошла до того, как Хью перешел на сторону Освальда, я окончательно поняла, что не зря злобный братец Свана мне в Зимний день не понравился. Но потом Сван так жалобно расписывал, как Освальд похитил беднягу Хью, что я смягчилась.

– Худое Пальтишко мне так и не показался, хотя Генри взял с него обещание найти Хью, – хмуро сказал Сван. – Я звал, звал, но Пальтишко как в воду канул. Дальше была эта история с духами вражды – не знаю, можно ли мне про это рассказывать, – и мне было не до Хью. А на празднике в честь спасения королевского дворца я решил: пора идти домой. Вдруг Хью уже сам вернулся? Я нашел человека, который как раз собирался ехать на Север, во дворце мне дали хорошую одежду, еду, и я поехал. Две недели добирался, и ты не представляешь, сколько я всего увидел по пути!

Меня восхитило, как он запросто говорил про королевский дворец, – кто-нибудь другой до конца жизни бы кичился, что видел его хотя бы издали, а Сван ничуть не задирал нос. Я повернулась к человеку с пастилой, чтобы разделить с ним свое восхищение, и увидела, что он спит в кресле, уютно перекинув обе ноги через подлокотник. То, что он ухитрился заснуть во время такой чудесной истории, поразило меня до глубины души.

– А почему ты не дождался Генри? – спросила я, когда Сван окончательно замолчал. – Он ведь собирался помочь тебе найти брата.

Я тут же пожалела, что открыла рот. Сван вздрогнул и отвел взгляд, словно ему стыдно, хотя чего такой милый и добрый малый мог стыдиться?

– Думал, что теперь сам могу решать свои проблемы. Генри – великий человек, у него и так дел не впрокорот, но теперь все равно придется просить его помощи. Раз Хью здесь нет, значит, он еще у Освальда в плену. Или сбежал и заблудился по дороге. Или вообще решил не идти домой – это же Хью, с него станется. Но я его найду. Мне надо вернуться во дворец.

Он поднялся на ноги, и я едва не крикнула: «А как же обед?», но вместо этого только схватила Свана за руку. Ладонь у него была сухая и теплая, и сердце у меня забилося, как у крольчонка.

– Не уходи. Я знаю, как тебе помочь, – выпалила я. – Смотри.

Я зажмурилась, сосредоточилась и...

– Что это такое? – пролепетал Сван, сжав голову обеими руками.

– Качели над бездной. Мое любимое место. Оно на самом высоком берегу озера – раскачиваешься и как будто над пропастью взлетаешь. И жутко, и весело.

– Ясно, но как они мне в голову попали? Я их прямо увидел, но я же там не был никогда!

Это мой дар. – Я широко улыбнулась, глядя, как он хлопает глазами. – Передавать послания. Вкладывать людям в голову то, что видела. Оказалось, это и на расстоянии тоже действует, и мы с отцом вот что придумали. Я запоминаю счастливые моменты на нашем постоянном дворе – как все отдыхают, вкусно едят и веселятся – и передаю их жителям соседних деревень со словами вроде «Приезжайте в «Дом у озера», не пожалеете!». Иногда еще рассказываю что-нибудь – про нашего повара, про хорошие сапоги, которые теперь один старик поблизости делает. У нас теперь комнаты никогда не простаивают, люди даже без дела останавливаются, просто едут посмотреть, действительно ли здесь так хорошо. Сами не понимают, как это они заранее все это увидели, а мы не признаемся, говорим, волшебство.

Мне не было стыдно, что я раскрыла наш с отцом секрет: восхищение на лице Свана все искупало. А потом он сказал такое, что я окончательно поняла: все, влюбилась по уши. Раньше я про подобное только в бабушкиных историях слышала, но сразу поняла, что вот так это и бывает: бешеный стук сердца и всплеск крови, будто ей в твоём теле становится тесно.

– В старину, наверное, люди с таким даром становились исследователями, – взбужденно сказал Сван. – Ездили по дальним краям и передавали кому-нибудь вроде Олдуса Прайда все, что видели, а он записывал. А ты можешь, например, проверять, какие из волшеб-

ных мест уцелели, пока Сердца не было, и докладывать королю прямо в голову. Или, наоборот, можешь передавать всякие новенькие законы из дворца всему королевству. – Он вскочил. – Ты ведь можешь всем рассказать, что Сердце вернулось! Я по пути сюда встречал кучу тех, кто еще не поверил!

И вот тут-то до меня наконец дошло то, о чем я даже не думала раньше: как бы ни было хорошо дома, я больше не обязана провести здесь всю жизнь. Я могу помочь родителям сделать нашу гостиницу самой знаменитой на Севере, а потом поступить так, как никто еще не поступал: уехать. Жить своей жизнью. Посмотреть чужие края. Найти работу, которую не сможет делать никто, кроме меня. А однажды, когда мне больше не захочется путешествовать, вернуться домой.

Я вдруг заметила, что человек в соседнем кресле больше не спит, – он смотрел на меня таким задумчивым, внимательным взглядом, что я уж думала услышать от него что-нибудь ценное.

– Милочка, а обед-то будет? – спросил он.

И я со вздохом поклонилась. Гость удовлетворенно закрыл глаза, а я развернулась к Свану.

– Я могу передать твоему отцу и брату послание, – зашептала я, взяв его за обе руки. Никогда еще я не позволяла парням брать меня за руку, но оказалось, что бабушка была права: когда встретишь того, кому можно доверять, сразу поймешь. – Покажу им, что ты ждешь их здесь. С ними все в порядке, наверняка в порядке! Может, твой отец как-то сбежал из комнаты и отправился в этот ваш Хейверхилл, а вы просто разминулись в пути. А Генри наверняка победил Освальда окончательно, пока тебя не было, не сидел же он сложа руки! Он, скорее всего, освободил твоего брата, и тот тоже идет в Хейверхилл, и все вы бродите вокруг, а найти не можете.

– А если нет? Если Освальд убил Хью? – тихо спросил Сван.

Я замотала головой так, что из волос выпала шпилька.

– Нет. Конечно нет! Они придут, вот увидишь, только поживи у нас, пожалуйста, поживи! Тебе надо отдохнуть, ты не можешь опять тащиться через все королевство совсем один!

– Я не могу у вас остаться, денег нет. Мне дали немного во дворце, и я их тратил осторожно – ты не думай, у меня в семье все бережливые. Но все равно надо было есть, и доставать транспорт, и...

– Отработаешь.

– Стихами? – Он улыбнулся своей теплой, доброй улыбкой. – Извини, глупая шутка. Я мечтал о даре сочинять красивые стихи, но, пока добирался сюда, понял точно: если у меня и есть какой-нибудь дар, то уж точно не этот.

– Умеешь же ты таскать тяжести, колоть дрова? Посуду мыть? Я уже не справляюсь, слишком много гостей стало, а нового работника мы еще не наняли. Но погоди, сначала – послание.

Сван смотрел на меня затаив дыхание, и я прикрыла глаза. Искать адресатов послания – все равно что пытаться нащупать в огромной, почти незаметной золотой паутине нужные нити. Это трудно объяснить, и это не то, что видишь глазами, но, стоило мне сосредоточиться, я почувствовала Свана рядом – теплое сияние. А от него во тьму, пронизанную бесчисленными золотыми линиями, шли две, яркие и крепкие, – его связи с родичами. Они уходили куда-то очень далеко, терялись в темноте, – жители соседних деревень по ощущениям были гораздо ближе, – но я все равно запустила по ним свое послание в надежде, что нить донесет его, как река несет кораблик из коры и веток. Я открыла глаза и задышала глубже, унимая головокружение.

– Как тебя зовут? – тихо спросил Сван, и я засмеялась от того, как забавно прозвучал этот вопрос спустя полчаса разговора.

– Мойра. Это значит «судьба».

– Угу, – сказал Сван, и у меня появилось сладкое, мучительное чувство, что он сейчас меня поцелует, если духу хватит.

К сожалению, то же чувство, кажется, посетило моего отца – он вырос перед нами, всем своим видом показывая, что Сван, может, и достойная пара для его дочери, но руки пусть держит от нее подальше.

– Через пять минут будем обедать, уважаемый господин, – сказал папа, мастерски сочетая в голосе почтительность и осуждение. – Прощу к столу. Разрешите предложить вам сесть за тот, что у окна: вид оттуда замечательный. А ты, дочка, иди-ка сюда, нужно помочь на кухне.

Раньше он часто бывал с постояльцами неприятным и грубым, а теперь изменился к лучшему, и я вдруг подумала: а что, если у отца дар управлять гостиницей? Интересно, такой вообще бывает? Но я не успела додумать эту мысль до конца, потому что случилось нечто очень странное.

Посреди комнаты возник шар света – острого, режущего глаза, как блик яркого солнца на воде. Все недоуменно уставились на него, а шар резко вытянулся, превращаясь в овал, и оттуда вылез человек. Он шагнул к нам в зал, будто из-за невидимого порога, и сияние тут же погасло. Народ, кажется, собирался броситься врассыпную, но тут все разглядели незнакомца и восхищенно замерли.

Это был, наверное, самый красивый парень на свете. Сван казался мне красивым, но было ясно, что настолько совершенного существа, как этот новый парень, природа еще не производила – во всяком случае, вокруг нашего постоянного двора. Рост под два метра, широкие плечи, статная фигура, синие глаза, длинные золотые волосы спускаются на грудь волнами – парень был просто невыносимо хорош собой.

Подруги моей бабушки любили ее за то, что она здорово умела пересказывать старинные истории о белом рыцаре по имени Маурис Шевалье. Маурис вечно спасал красавиц направо и налево, вырывал их из лап опасности, почтительно целовал им руки и уже лет триста был мечтой всех поколений женщин. Так вот, этот длинноволосый парень, застывший посреди комнаты, напомнил мне Мауриса из бабушкиных историй: «Он был так великолепен, что женщины при виде его падали с ног, а мужчины от зависти скрежетали зубами».

Красавец обвел всех взглядом, наслаждаясь произведенным впечатлением. Он был одет в золотистый костюм с пышным кружевным воротником – на мой взгляд, довольно безвкусный, но, может, там, откуда эта птица к нам залетела, все так ходят. Я думала, красавец сейчас скажет, что слышал про наш постоянный двор и желает отведать блюд знаменитого повара, но он молча пошел к нам, и только тут до меня дошло: что-то с этим парнем не то. То, что он появился из воздуха, меня не смутило, – мало ли что люди после возвращения Сердца умеют! Но пугающим было ощущение силы, которое от него исходило, – казалось, воздух вокруг парня звенит и искрится, словно это вовсе не человек.

– Привет, мордастый, – сказал этот подозрительный тип, остановившись напротив Свана, и его голос, низкий и мужественный, тоже подошел бы Маурису Шевалье. – Ты тут, я смотрю, не скучаешь.

Я недоуменно посмотрела на Свана – скулы у него были широкие, но мордастым я бы его точно не назвала. Но Сван вглядывался в поддельного Мауриса Шевалье, и вдруг его глаза расширились.

– Хью, – выдохнул он.

Мне захотелось рассмеяться – Сван, конечно, изменился за этот месяц, но поверить, что его хилый братец-коротышка превратился вот в это великолепие, было уже чересчур. Но красавец расплылся в самодовольной улыбке и кивнул.

– Ага. Самую малость подправил себе внешность, чтобы быть уж совсем неотразимым. Я теперь еще и не такое могу, гляди! – Красавец вскинул унизанные разноцветными перстнями руки. – Пусть этот убогий клоповник станет красивее, а то мне тут даже стоять противно. Оп!

Все вокруг начало меняться – стены раздвинулись и вытянулись вверх, зал стал неправдоподобно огромным, а мебель теперь была, как на картинке из старинной книжки: выгнутые спинки стульев, все в позолоте, пол устлан пушистым ковром. Хью – приходилось поверить, что, видимо, это все-таки он, – жадно смотрел на Свана, будто ждал восхищения, но тот замер так же испуганно, как и остальные. Это было, конечно, волшебство, но какое-то жуткое.

– Думаешь, мне без тебя нечем заняться? – раздраженно спросил Хью. – Но раз уж ты позвал меня, так и быть, разрешаю тебе присоединиться. Смотри-ка, а ты похудел. Стал еще страшнее, чем был. Ну ничего, еды у нас теперь будет завалиться.

Сван замер. В присутствии брата он сразу сжался и как будто стал ниже ростом. Я со страху крепче вцепилась в его локоть.

– Хью, – хрипло сказал он. – Почему ты в таком виде?

У красавца вытянулось лицо.

– И все? – неприятным, резким голосом спросил он. – И это все? Никакого «Я так рад, что тебя не прикончил Освальд», «Какое счастье, что ты теперь на такое способен», «Как здорово, что ты пришел за мной»? Нет?

Хью огляделся, будто призывал всех в свидетели своего возмущения.

– А вы чего такие хмурые? – с фальшивой улыбкой спросил он. – Ну я вас развеселю. Пусть у всех тут появится куча денег!

С потолка посыпались золотые монеты. Все вскрикнули, закрывая головы. Когда монеты перестали падать, никто их не подобрал. Мы люди простые, но понимаем: когда деньги внезапно с потолка сыплются, это не может закончиться ничем хорошим.

– Что ж вы за существа, людишки, – поморщился Хью. – Вечно все не так, хоть луну с неба достань! Кстати, вот, если уж она вам нужна. – Он щелкнул пальцами, и серебристый свет на улице превратился в обычный солнечный, а на ладонь ему упал серый шарик. – Вот она, луна. Пришлось ее уменьшить. Хотите на память?

Все попятились. Хью швырнул камень на пол, и тот с глухим стуком покатился по полу.

– Хью. По... – Сван перевел дыхание и начал заново: – Пожалуйста, скажи, что ты не сделал чего-нибудь ужасного, чтобы вот это все... Вот этому научиться.

Синие глаза Хью сузились.

– Почему, если у меня дела в кои веки идут в гору, сразу такие мысли? Потому что я веселюсь, вместо того чтобы тебе сопلي вытирать? Ну же, ты что, не впечатлен тем, что я могу? – На все столы прямо из воздуха вдруг шлепнулись блюда, полные еды. – Вот, ты же любишь поесть, налетай!

– Ты знаешь, где отец? – вдруг спросил Сван.

– Скажем так: у него есть время подумать над тем, что отец из него хуже, чем из Освальда, – ухмыльнулся Хью. – Мы теперь всем в Хейверхилле сможем отомстить – зря они над нами смеялись. Идем. Да мне теперь даже идти не надо! Я, как волшебник, куда хочешь могу сразу попасть.

– Ты кому-то навредил, – выдавил Сван, и это был, кажется, не вопрос.

– И что с того? – разозлился Хью. – Какая разница? Все теперь мое. Наше. И это справедливо. Мы – великие братья Кэмпбеллы, избранные, Барс же показался нам! В этой истории мы главные, Генри просто влез в последний момент, а теперь ему все достается!

– Что ты несешь? – пролепетал Сван, втягивая голову в плечи. – Он всех спас. Он герой, он наш друг и...

Ой, серьезно? Друг? Да ему наплевать на тебя! – скривился Хью. На таком прекрасном лице детская гримаса смотрелась очень странно. – Вы все прямо с ума по нему сходите, да? Да

он просто самодовольный болван, которого всегда любили, и он даже представить не может, каково это – быть посмешищем даже для собственного отца.

– Любили? – От удивления Сван даже голос повысил. – На него же всю жизнь охотились! Хью, ты чего?

– О, поверь, так называемый папочка его обожал. – Хью коротко хохотнул, и я поежилась от этого звука. – Я все теперь вижу по-другому. Генри – как огонь, как проклятое пламя, но все, кого он встречает, тут же любят его, как родного. Ну ничего, я это исправлю. Прикончу его, как зверя, и все его новенькие дружки не помогут, он сдохнет один, как положено злобной твари! – Он с трудом взял себя в руки и перевел дух.

Сван молча смотрел на него во все глаза, и Хью нетерпеливо прибавил:

– Нечего так испуганно пялиться, тебе я ничего не сделаю, ты ж мой брат. Помнишь, как нам было весело вместе? Пошли отсюда, без меня ты пропадешь, тупица.

– Нет. Не пропаду, – еле слышно перебил Сван и выпрямил спину.

Хью пригляделся – и вдруг его красивое лицо застыло, глаза забегали, будто он с огромной скоростью что-то читал.

– Ты не пошел меня спасать, – медленно проговорил он, – потому что в глубине души не хотел, чтобы я вернулся. Тебе хотелось проверить, каково это: быть одному. Не зависеть от меня. И чем дальше ты шел, тем меньше я был тебе нужен.

– Нет! Я хотел, чтоб ты вернулся! – крикнул Сван. Он был весь красный, и жилка билась на виске. – Хью, ты же мой брат, я пошел бы тебя искать, я бы не остановился, пока не...

Хью утомленно поднял руку, и Сван замолчал.

– Вот я кретин: думал, ты меня поймешь, а ты и себя-то, дубина, не понимаешь. Конечно, ты в конце концов пошел бы меня искать. Ты же у нас добряк, и тебе было бы стыдно, что без меня ты прекрасно себя чувствуешь. – Хью как-то поблек, обвел взглядом зал и попятился. – Думаю, теперь я должен уйти и оставить тебя в покое. Дать тебе жить своей жизнью. Вернуть отца на этот постоянный двор, который он так полюбил. Извиниться перед Генри за то, что убил его отца и брата.

– Ты что сделал? – дрожащими губами проговорил Сван.

– Ну да, – невозмутимо кивнул Хью и сокрушенно покачал головой. – И перед Барсом за то, что забрал его силу. Да и вообще положить эту дурацкую силу на место.

Он пошел к двери. В комнате висела такая тишина, что ее ножом можно было бы резать. Сван медленно выдохнул, и ужас в его глазах чуть притупился. А потом Хью остановился.

– Точнее, я мог бы так сделать. Вот только чуть не забыл кое-что, – подрагивающим голосом проговорил он, не оборачиваясь. – Я ж теперь самый могущественный человек в королевстве и никому ничего не должен. Особенно тому, кто решил бросить меня на произвол судьбы и завести себе новых друзей.

– Хью, не дури, – беспомощно выдохнул Сван. – Пожалуйста, прекращай, я очень тебя про...

Тот вдруг заорал, оглушительно, на одной ноте, как рассерженный ребенок, сжав кулаки, – и люди вокруг начали падать. Повар, мой отец, все постояльцы, – один за другим, как тряпичные куклы. Я даже не сразу поняла, что случилось, думала, их просто оглушили вопли Хью. Но никто не двигался, и вот тогда закричала и я. Мне казалось, от рыданий меня сейчас на части разорвет, но почему-то изо рта не вырывалось ни звука. Я не сразу сообразила: ладонь Свана зажимает мне рот. Рука у него была ледяная, и я вцепилась в нее зубами, но он не отпустил. Все были мертвы, они умерли, я видела это по их раскрытым остекленевшим глазам, и сквозь ужас и невыносимую боль ко мне вдруг прорвалась странная, неуместная мысль: кого-то в этой комнате не хватало. Но я никак не могла понять кого, не могла сосредоточиться.

Хью подошел к нам. Он выглядел совершенно спокойным, невозмутимым, как будто не он только что убил десять человек, даже не прикоснувшись к ним, и внезапно посмотрел прямо на меня, так, будто впервые заметил.

– О, смотри-ка, да ты девчонку себе нашел. Она не сдохла, потому что ты ее защищаешь. – Он снова всмотрелся во что-то далекое, глаза у него бегали все быстрее. – Какая прелесть. Кто-то польстил на моего тупого жирного брата, вот это и правда чудо. Ну ладно, это можно исправить.

Он задумчиво посмотрел на меня, и мне захотелось вцепиться ногтями в это фальшивое лицо, которое больше не казалось красивым.

– Нет. Не надо, Хью, – еле слышно сказал Сван, с трудом выталкивая из себя слова. Он весь трясся, но не отпускал меня. – Я сделаю, что скажешь. Я буду...

– Да мне наплевать. Поздно, братец. – Хью криво улыбнулся. – Раньше надо было думать. Это ты виноват. Ты до всего этого довел.

Он занес руку, и тут ему в затылок ударило что-то маленькое и круглое. «Луна», – заторможенно подумала я. Наверное, она была очень твердой, а удар – очень метким: Хью вскрикнул и схватился за затылок. Никто не двинулся, но луна, серый круглый камешек с разводами, снова поднялась в воздух с пола, набрала скорость и треснула Хью по лбу. Тот вскрикнул и зарычал почти испуганно – у него был такой дикий вид, будто он привидение увидел.

– Кто здесь? – Хью бешено озирался, а потом закрыл глаза. – Я тебя не вижу. Кто ты такой? Не Барс, точно не Барс, но кто тогда?

– Положи силу туда, где взял, Хьюго, – сказал из пустоты странно знакомый голос. – А если не можешь, хотя бы пожелай себе ума: умному не так скучно быть одиноким, а ты, несомненно, в конце концов останешься совершенно один.

Хью не ответил – его глазные яблоки быстро двигались под веками, и я поняла, что надо делать: треснуть его по башке, пока не смотрит. Я огляделась в поисках тяжелого предмета – от Свана я помощи не ждала, он замер на месте, как дерево.

– Ну, а вот теперь вижу, – пробормотал Хью, резко схватил рукой пустоту, словно комара ловил, и только тогда открыл глаза.

Из пустоты раздался вскрик, шипение, какое-то витиеватое и древнее ругательство. Хью посмотрел на свою руку. Теперь он сжимал в ней клочок темной ткани, с которого на пол капала кровь. Он бросил его и с улыбкой огляделся. Теперь в комнате было тихо.

– Это вчера вы, ребята, были непобедимыми, – зло сказал Хью. – Но ты, старик, кое-чего не понял: время сказочек Барса закончилось. Теперь это мой мир, и все тут будет так, как я хочу.

В следующую секунду я почувствовала что-то невыносимое – как будто мои ребра треснули, изогнулись и костяным обручем сжали мне сердце. Сван закричал, и я вцепилась в него. Больше ни на что не было сил, меня затапливал ужас такой силы, что даже боль по сравнению с ним не имела значения. Сван зашептал что-то, и сначала я даже слов не могла разобрать, но потом разобрала, и от удивления даже вдохнула в полную силу. Наверное, бывает так, что дар спит, пока его не разбудит большое потрясение, и вот это, кажется, и произошло. Сван говорил стихами, и это были хорошие стихи:

*– Каждый сам выбирает, куда он идет,
Я – только вперед, мое сердце из стали.
И в мире, пустом и холодном, как лед,
Слова нам вернут то, что мы потеряли.*

Я бы очень хотела, чтобы это была история того, как я выжила и стала счастливой, но это история того, как я умерла. Бабушка говорила, что смерть – это прекрасная девушка в

белых одеждах, она возьмет тебя за руку и поведет за собой. Во всяком случае, именно такая пришла за Маурисом Шевалье в последней истории про его приключения, но я думаю, что у каждого она своя. Моя смерть выглядела, как прекрасный юный поэт, и его мягкий голос, его рифмующиеся строчки сопровождали меня туда, откуда не возвращаются.

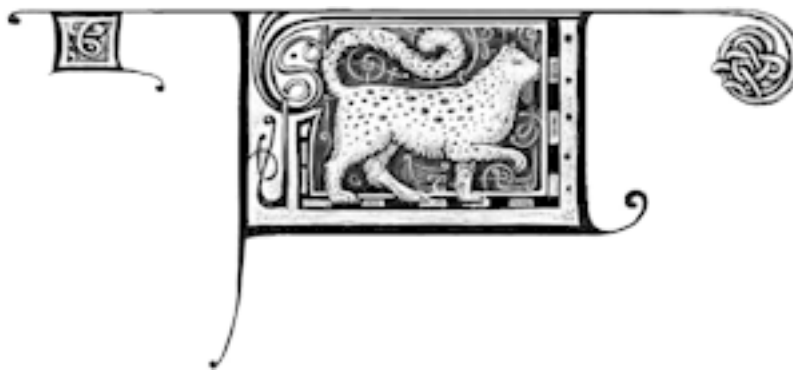
Но это не совсем конец. В последние секунды, когда я думала, что больше ни разу не смогу вдохнуть, я внезапно поняла, что должна сделать. Сван использовал свой дар, а я использую свой. И тогда я собрала все оставшиеся силы и отправила послание. В реальности времени было совсем мало, но у слов свои законы: я внезапно с невероятной ясностью поняла, что мой дар полностью мне подчиняется, что на самом деле я могу не только расхваливать наш постоянный двор жителям соседних деревень, я могу отправить послание любой длины и сложности куда угодно. И я отправила его тебе. Сван был прав: ты сияешь, как солнце, и найти тебя в бесконечной золотой паутине человеческих связей оказалось совсем легко.

Где-то снаружи Сван все еще плачет, и мне очень хочется успокоить его, но я не могу больше открыть глаза. Впрочем, здесь время идет совершенно по-другому, и его достаточно, чтобы сказать тебе все, что нужно. Я знаю, что, как только произнесу последние слова, мне конец, – но дар все-таки удивительно мощная штука. Пользуясь им, становишься частью чего-то большего, чем ты сам. Становится не так одиноко жить – и умирать тоже.

Говорят, в историях важны только главные герои, всякие рыцари и принцы, короли и королевны, а остальные – просто пешки, которых сметают с доски по пути. Но чтоб они провалились, эти правила! Я говорю от лица всех пешек, всех проглоченных и неважных, всех второстепенных и посчитанных сотнями. Спаси нас, Генри, сделай так, чтобы никто больше не погиб, потому что сам Хью не остановится. Я видела его глаза, когда он убил меня: безумные и жуткие, словно он уже и вовсе не человек.

Меня зовут Мойра Браун, я мастер посланий и простая девчонка с постоянного двора, и с меня начинается эта история, но она не про меня, конечно нет.

Это – твоя история.

Глава 1

Четвертый волшебник

За свои шестнадцать лет Генри твердо выучил одну истину: если просыпаешься с нехорошим предчувствием, не думай, что оно тебя обманет. Чутье – упрямая штука, оно вещает из самой глубины твоего существа, из тьмы, куда мысли не дотягиваются, и если оно говорит тебе, что дела плохи, готовься: ты еще мирно дремлешь, а оно уже засекло шорох стрелы, отпущенной в полет за сотню метров от тебя.

Вот и теперь Генри открыл глаза, лежа на чем-то мягком, в тепле и безопасности, а чувство тревоги словно покалывало его изнутри. Он приподнялся на локте и огляделся, но на вид все было в порядке: с тех пор как он заснул в этой самой библиотеке под монотонное чтение Эдварда, ничего не изменилось. Разве что Эдвард перебрался на соседний диван – видимо, Генри сильно толкал его во сне – и теперь спал, свесив руку вниз и опустив на грудь раскрытую книгу.

За окном по-прежнему сияло солнце, но это вовсе не значило, что наступил день, – спасибо Хью и безобразию с небесными светилами, которое он устроил. Собственное чувство времени говорило Генри, что проспал он от силы часа два, а значит, ночь даже до середины не добралась. Глаза слипались, Генри зарылся лицом в подушку с облезлой старинной вышивкой и провалился в спокойный, глубокий...

– Просыпайся, Генри, – мягко проговорил незнакомый голос. – Как говорят наши общие друзья скриплеры, «некогда объяснять, но нам пора».

«Ну, началось», – успел подумать Генри, скатываясь с дивана и ныряя за него, чтобы спинка в случае чего закрыла от стрелы или ножа.

У окна, там, где минуту назад никого не было, стоял высоченный темноволосый мужчина в шерстяном плаще. Освальд учил Генри: «Если кто-то незаметно к тебе подкрадется, сначала засвети ему чем-нибудь тяжелым, а потом уже разглядывай, кто пожаловал». Но в этот раз Генри только выглянул из-за дивана и даже не стал прятаться обратно. Во-первых, ничего тяжелого под рукой все равно не было, во-вторых, незнакомец был удивительно похож на Перси:

смуглый, кареглазый, с внимательным теплым взглядом, словно читающим мысли. Правда, в отличие от Барса в человеческом обличье, у гостя были короткие волосы и мощная фигура, не оставлявшая сомнений в том, что в случае чего он может кулаком вогнать в доску гвоздь.

– Ты отец Перси? – брякнул Генри, потому что сходство было поразительное. Вот таким бы Перси и вырос, если бы не был болен, ну и если бы тренировал мускулы лет этак двадцать подряд.

Тут Генри запоздало сообразил, что никто, кроме людей во дворце, не знает, что великий Барс на самом деле – хилый подросток, но гость расхохотался так, будто понял вопрос и нашел его уморительно смешным.

– А ты умеешь льстить, Генри. Нет, мы с ним не родственники, но, знаешь, творение иногда бывает похоже на своего создателя больше, чем последнему хотелось бы.

Гость натянул капюшон плаща, грузным шагом подошел к той стене, где висели портреты волшебников, и сел в кресло под одним из них.

– Ты – Странник. Четвертый волшебник, – выдохнул Генри, переводя взгляд с нарисованной фигуры в низко надвинутом капюшоне на такую же, но настоящую.

– Собственной персоной. – Странник качнулся вперед в каком-то сидячем подобии вежливого поклона. – Тебе повезло, Генри: не могу вспомнить ни одного смертного, которому удалось бы познакомиться со всей четверкой волшебников. Да ты и вообще счастливчик – в твоём последнем приключении я буду сопровождать тебя, а такая честь не всякому выпадает. – Его губы внезапно тронула мягкая, добрая улыбка. – Не волнуйся. В отличие от Тиса, я хороший наставник и не брошу, когда нужен.

– Звучит обнадеживающе, – пробормотал Генри. – А можно уточнить насчет «последнего приключения»? Надеюсь, ты имел в виду, что я разделаюсь с Хью и буду жить спокойно, а не то, что я протяну ноги?

Странник снял капюшон и откинул голову на спинку кресла. Он больше не улыбался.

– Перси вечно надеется на лучшее, вот так он своей силы и лишился, – негромко сказал он. – Такому, как Хью, подобная сила не по зубам, он не сможет держать ее в узде, и тогда погибнут люди. К счастью, у нас есть оружие на крайний случай, и этот случай стремительно наступает. – Странник поднялся и взял Генри за оба запястья. – Идем, Генри. Ты можешь покончить с этим, пока Хью не натворил дел.

Генри выдернул свои руки из его хватки. Он уже чувствовал, куда клонится разговор.

– Мой дар не действовал на Барса, я прикоснулся к нему и не обжег. И на Хью не подействует. Мы найдем другой способ с ним разобраться.

– Ты не желал Барсу смерти, а еще ты был слаб, но сила разрушителя – понятие растяжимое.

Генри выдавил короткий, отрывистый звук, надеясь, что это сойдет за невозмутимый смешок.

– Если я стану сильнее, я не смогу контролировать огонь. Превращусь в чудовище, которое будет хуже Хью, и не смогу больше стать собой, обычным человеком, вернуться назад и... – Генри всмотрелся в лицо Странника и медленно проговорил: – Но этого ведь в твоём плане и нет, верно? Я – просто оружие.

– Ты не обычный человек, ты разрушитель, – негромко сказал Странник. – Бояться самого себя – путь в никуда, Генри. Тебе придется пустить дар огня в ход, хочешь ты или нет. Я всего лишь предлагаю сделать это, пока никто еще не погиб. Сейчас ты слишком слаб. По сравнению с Хью – просто котенок. Тебе нужно заставить огонь вырасти во много раз, вот тогда у тебя будет шанс.

От гнева Генри едва не задохнулся. Произнося все это, Странник казался таким спокойным, что хотелось ударить его по лицу.

– Мы успеем остановить Хью, у нас тут самые умные люди в королевстве. – Генри сделал широкий жест, имея в виду всех, кто в замке: Эдварда, Перси, Освальда. – Мы найдем способ решить все мирно.

– Хорошо иметь верных соратников. Но тот, кто хочет сделать что-то великое, всегда остается один, – пожал плечами Странник и каким-то мальчишеским, вызывающим движением сунул руки в карманы штанов. Под плащом одежда у него была самая обычная, неприметная и темная. – Чтобы совершить невозможное, приходится отдавать все без остатка, а победить Хью, считай, невозможно. Он очень силен, я чувствую, и одолеть его можешь только ты, один на один: твой дар против его силы.

– Знаешь, а я понял, в чем твоя беда. Ты не привык искать помощь, ты всегда один, – захлебываясь от злости, пробормотал Генри. – Эдвард говорил, ты вечно скитаешься по королевству, про тебя даже сказок не рассказывают, у тебя нет друзей, никого у тебя нет. А мы теперь все вместе, и вместе мы победим его, не превращая меня в зверя.

Генри обернулся на спящего Эдварда. Он был дома, с семьей, и это придавало ему таких сил, каких никогда не придавало одиночество. Но наверное, после многих лет одиноких скитаний Страннику было этого не понять.

– Думаешь, я хоть чего-то не сделаю, чтобы их защитить? Но только не это, только не то, о чем ты просишь. Я уже четыре раза победил, не используя дар, смогу и в пятый. Спасибо за попытку помочь, а теперь вали отсюда, я не собираюсь тебя слушать, не собираюсь поддаваться огню, или умирать, или чего еще ты там от меня хочешь. Нет уж, не в этот раз. Я хочу жить, мне есть теперь ради чего, и я выживу. И одержу победу без всякого огня. Это ясно?

Странник примирительно поднял руки и сделал шаг назад.

– Твое самомнение, Генри, однажды тебя убьет. Ладно, как знаешь. Если передумаешь...

– Не передумаю.

– ... то позови, и я приду.

– Дашь мне склянку вызова, как Тис? – ядовито спросил Генри. Раньше ему было так легко оставаться спокойным, но сейчас он чувствовал упоительную злость, чувствовал себя живым как никогда. – Давай, я ее на твоих глазах в окно вышвырну, чтобы до тебя наконец дошло мое «нет».

Странник невесело, скупно улыбнулся:

– Лично мне все эти сказочные штуки не нужны – просто мысленно позови меня, и все. До встречи, Генри.

Он исчез, а Генри тяжело опустился в кресло. Он вдруг понял, что его встревожило: и Джоанна, и волшебные существа были потрясены, узнав об истинном обличье того, кто их создал, а вот Странник, кажется, всегда знал настоящее имя Барса. Что, если четвертый волшебник куда могущественнее трех остальных? Что, если он прав, и стать огненной тварью – единственный способ разобраться с Хью?

Генри успел провалиться в эти размышления так глубоко, что с трудом от них оторвался, когда Эдвард заворочался и приподнялся на локте.

– С кем ты разговаривал? – сонно спросил он.

– Ни с кем, – неестественно бодрым голосом сказал Генри, глядя в окно. Сейчас ночь, сейчас же ночь, ничего не случится до утра. – Можешь рассказать мне все, что знаешь про Странника?

И тебе доброе утро. – Эдвард, кряхтя, сел и бережно переложил книгу на стол. – Ладно, слушай. Никто не знает, что он может, как выглядит, плохой или хороший. В сказках он появляется редко и всегда в надвинутом на лицо капюшоне. Самый таинственный волшебник из всех. Считается, что каждый может встретить его в дороге, а еще, помню, в одной сказке говорилось, что у него есть особая сила, которую он открывает одному из тысячи, только не сказано, что надо сделать, чтоб попасть в число этих счастливчиков. – Эдвард зевнул, старательно при-

крывая рот рукой. – Так, секундочку. По-моему, еще глубокая ночь. Ты не против разойтись спать по своим комнатам? Пружины в этом диване, кажется, сговорились меня прикончить.

– Что, если где-то что-то уже случилось? – пробормотал Генри.

– Угу. За те несколько часов, пока окружающий мир был без твоего присмотра, треснула небесная твердь, и люди начали ходить на головах. Эй! Генри, стой, я же шучу! – Эдвард догнал его и загородил собой дверь. – Ничего не случилось, балда! Ты до утра дожить не можешь, не спасая всех направо и налево?

Генри сделал рывок в сторону, а когда Эдвард подался следом, резко сменил направление, скользнул под его рукой и выскочил в коридор. Там было тихо, все обитатели дворца, кажется, мирно спали, но вопрос, который он хотел задать, до утра ждать не мог.

– Ты дома, больше не обязательно быть героем круглые сутки, – частил Эдвард, не отставая от него. – Кстати, я знаю, чем мы займемся с утра: надо бы подобрать тебе комнату. Гостевая спальня, где тебя поселили, слишком скромная для принца, а в твоей детской теперь живет Перси, но ты можешь выбрать любую дру... Генри!

Дойдя до нужной двери, Генри не стал стучать, просто распахнул ее и, подойдя к маленькой кровати, громко кашлянул. Впрочем, вежливый кашель на Перси не подействовал, и Генри молча усадил его, крепко держа двумя руками за плечи. Тот сонно моргнул и попытался лечь обратно, но Генри не отпускал.

– Ты что творишь! – зашипел Эдвард. – Он же сотни лет не спал!

– Я и забыл, как громко бьется сердце, когда тебя трясут со сна, – пробормотал Перси, не открывая глаз. – Как же хорошо быть живым: веки слипаются, в голове туман. Волшебное чувство.

– Кто такой Странник? – выпалил Генри. – Ясно, что он волшебник, но... Если его вызвать, он может нам помочь? На что он способен?

Перси распахнул глаза, и на его лице проступило выражение, которого Генри там еще не видел: страх.

– Нет, Генри, – медленно проговорил он, разом проснувшись. – Звать его было бы верхом безумия, и, надеюсь, он нам в пути не встретится. Выбрось эту идею из головы и обещай, что никогда, никогда не позовешь его сам.

Генри медленно выдохнул. От облегчения у него шея взмокла: он же чувствовал, чувствовал, что этому здоровяку в капюшоне нельзя доверять, как же хорошо, что он оказался прав.

– Обещаю, – быстро ответил он. – А теперь надо всех будить: Хью вторые сутки разгуливает по королевству с огромной силой, пора с этим разобраться.

Перси сел, опираясь спиной на подушку, и взглянул на Генри неожиданно острым взглядом – не ребенка, а мудрого волшебника, пусть и растерявшего свою силу.

– Думаю, Хью пока тратит время на исполнение всех желаний, какие посещали его при жизни. Отведать лучшие блюда, пожить в роскоши, поцеловать красивую девушку. – Перси широко зевнул. – Но скоро он кое-что поймет: ирония его положения в том, что человеческие развлечения больше не приносят радости, потому что он не совсем человек. И тогда, думаю, он испугается и вернет силу на место. Все эти восхитительные ощущения – усталость, сон, голод, сытость – ни на что не променяешь.

– Вы же променяли, – тихо сказал Эдвард.

Он смотрел на этого востропанного сонного мальчика как на чудо, подобного которому никогда не видел. И Генри вполне разделял его чувства: его поражало, что Перси не горюет о потере своего величия.

– У меня была цель, – фыркнул Перси. Щека у него дергалась даже со сна, но и от этой половинчатой улыбки Генри почувствовал, что начинает улыбаться сам. – Я хотел сделать нашу печальную землю королевством волшебства, а мечтатели всегда готовы идти на неудобства. Но

Хьюго не производит впечатления человека, мечты которого простираются далеко, и, думаю, он быстро наиграется. Ну или есть еще вариант: он поумнеет и решит использовать силу для чего-нибудь полезного.

– Либо решит поубивать всех вокруг, – покачал головой Генри.

– Я всегда надеюсь на лучшее, – безмятежно сообщил Перси. – Давайте изо всех сил поверим, что Хью исправится. Иногда помогает.

И с этими словами он упал обратно на кровать, завернулся в одеяло и, кажется, немедленно заснул.

– Он прав, – шепотом сказал Эдвард. – Уверен, Хью образумится или просто будет сидеть тихо.

Генри поднял брови. Он думал, Эдвард придет в восторг оттого, что надо побороть еще одного врага, совершить подвиг, проучить обидчика, – в общем, сделать что-нибудь героическое. Но Эдвард глядел встревоженно, и нерешительное, просящее выражение его лица сказало Генри больше, чем слова.

– Ты не хочешь с ним драться, – медленно проговорил Генри. – Он же тебя... Он тебя убил. Он убил скриплеров, и кошек, и Освальда, и...

– Вот уж кого не жалко, – вставил Эдвард.

– И после этого ты считаешь, что Хью будет сидеть тихо?

– Ну, если мы явимся к нему со словами «эй, паскуда, мы пришли тебя побеждать», тут он точно даст сдачи. Не надо пороть горячку, давай подождем.

Генри вытаращил глаза. Слышать такое от Эдварда было все равно что услышать от волка: «Я тут подумал и решил перейти на овощи».

– Ты дома, – свирепо сказал Эдвард. Он был весь красный, не то от злости, не то от стыда. – Тебя тут долго ждали. Может, дашь нам хоть немного насладиться твоей компанией, прежде чем нестись куда-то сломя голову? Нет! – Он резко поднял руку, увидев, что Генри собирается ответить. – Больше никаких подвигов, хотя бы до утра.

Эдвард сердито распахнул дверцы огромного шкафа, порылся на полках и вытащил пыльную деревянную доску, разрисованную белыми и черными квадратами.

– Раз не хочешь спать и другим не даешь, вернемся в библиотеку и сыграем.

– Не уходите, – внезапно пробормотал Перси. – Даже во сне приятно побыть в хорошей компании.

С этими словами он закрыл глаза, и в ту же секунду его дыхание снова стало глубоким и ровным.

– Вот как надо засыпать, учись, – весело сказал Эдвард, садясь в кресло рядом с небольшим столиком, и высыпал из холщового мешочка черные и белые фигурки.

Генри взглянул за окно. Все, чего он хотел, – это остаться в теплой, уютной комнате, заваленной детскими вещами, в комнате, где он и сам чувствовал себя ребенком. Остаться рядом с братом, который его защитит и научит играть в шахматы, рядом с мальчиком, который однажды создал королевство, а теперь спит, обняв подушку.

«Тебе надо идти, тебе пора, мирные времена не для таких, как мы с тобой, – сказал огонь, и Генри вздрогнул. Этот злой, азартный голос, шепчущий на ухо изнутри, до сих пор заставлял его врасплох. – Пойдем, дружок. Мужик в плаще был прав, я тебе пригожусь. Сейчас наше время».

– Валяй, расставляй, – сказал Генри, падая в кресло напротив Эдварда. Слушать советов огня, древней злобной сущности, уж точно не стоило. – Я помню, как дед нас учил играть, но не помню, что надо делать.

– Ничего, три минуты, и ты все поймешь. Сам с собой я часто играл. Заметь, всегда выигрывал!

Вместо трех минут потребовался час, чтобы до Генри начало доходить, как устроена вражда этих фигурок.

– Прекрати все время ходить ферзем! Я вижу, что это твоя любимая фигура, но не подставляй ее так! – возмущался Эдвард. – Пусть в твоей команде все действуют вместе – пешками можешь жертвовать, ими хорошо отвлекать внимание от важных фигур. Попытайся продвинуться вглубь доски и навести в моих рядах панику.

Они сыграли три партии – Генри проигрывал так быстро, что не успевал даже разобратся, как можно было этого избежать, – и как раз начали четвертую, когда в дверь тихонько постучали. Эдвард посмотрел на громоздкую конструкцию с двумя гириями, висевшую на стене, и Генри вспомнил, что вот по таким штукам – часам – определяют время те, кому недостаточно солнца, теней и звезд. Впрочем, теперь часы пришлись как нельзя кстати – за окном было светло, как в полдень, у неумехи Хью даже солнце не двигалось по небу, так и висело на одном месте, как приклеенное, – и только часы напоминали, что ночь в разгаре: половина третьего.

– Войдите, – громким шепотом сказал Эдвард.

Перси даже не пошевелился – видимо, за тысячи лет и правда соскучился по сну. Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Джетт. Глаза у него сияли.

– Удобный у вас дворец, сам выводит, к кому хочешь! Генри, я тебя искал, думал, вдруг ты тоже не спишь. А тут услышал голоса за дверью и решил зайти.

Он просочился в комнату, прикрыв за собой дверь, и Эдвард неодобрительно щелкнул языком:

– А разрешения спросить не надо?

– Не в такой чудесный день! То есть ночь. – Джетт шлепнулся на пол рядом с их столом. – Мама заснуть не могла, я играл ей на губной гармошке, и, представляете, помогло: она меня вспомнила! Действительно поняла, что я – это я, а не ее выдумка, и что мы правда во дворце! Она потом заснула, а я так и не смог, и, в общем, у меня к вашему высочеству два вопроса. – Он развернулся к Эдварду. – Вопрос первый: можно мы с ней тут останемся? Идти-то некуда. Уверен, мой друг король возражать не будет, но я решил прошупать вопрос со всех сторон.

– И на каком же основании вы собрались поселиться во дворце? – поинтересовался Эдвард.

– На том, что я лучший друг вашего чудесным образом найденного брата, а тот никогда не бросит человека в беде. – Джетт подмигнул Генри. – Еще я могу играть на гармошке, а ваш дорогой отец как-то сказал мне, что звуки гармошки поднимают ему настроение. Ну как, не возражаете?

– Не королевский замок, а проходной двор, – проворчал Эдвард.

– И сразу второй вопрос, – бодро продолжил Джетт, подбрасывая на ладони шахматную пешку, хотя Генри даже не заметил, как та оказалась у него в руке. – У вас нет каких-нибудь видов на Агату? То есть, проще говоря, интересуется ли она вас в возвышенно-любовном, поэтическом смысле или путь свободен?

На скулах Эдварда начал проступать гневный румянец.

– Ах ты, наглец. Это самая высокородная невеста во всем королевстве, и ты думаешь, что она...

– Да не кипятитесь вы! – беззаботно махнул рукой Джетт. – Слушайте, она мне нравится, и у меня, по-моему, есть шанс. Я – парень хоть куда! Нам всем было не до любовных песен – ну, знаете, Освальд, Предел, мои односельчане, смерть вашего высочества и все такое, – но теперь мне уже хочется жить нормально. Не бежать, как заяц, а с мамой где-то обжиться, девушку найти. Да, я понимаю, Хью обрел силу Барса, и это ужасно, но, может, он как-то... ну... подзабудет про нас? Или подавится этой своей силой? – Джетт перевел дыхание и тут же зачастил снова: – Так как насчет Агаты? Она свободна? И как у вас вообще все это устроено? У нас в деревне, когда девушка нравилась парню, он просто подходил к ней и говорил: «Может,

поженимся?», а она обычно отвечала: «Ну ладно, давай». Деревня маленькая, и, чтобы одной не остаться, надо соглашаться. Но у вас тут, наверное, этого маловато будет.

– Вообще-то ее когда-то прочили мне, – процедил Эдвард, покрасневший уже до цвета бордовых бархатных штор на окнах. – Она дочь хранителя казны и главной придворной дамы, а ты – простолюдин, который не умеет даже...

– Давайте проще: любите вы ее или нет? – перебил Джетт.

Эдвард с утомленным видом прикрыл глаза, но ответить не успел: в дверь опять постучали.

– Да уж заходите, – проговорил он, взглянув на часы. Без четверти три.

В комнату заглянула Агата. Она хотела уже показать Генри какую-то табличку – говорить она по-прежнему не могла, – но тут заметила, как все на нее смотрят, и настороженно замерла.

– Ну что же ты, проходи. Тебе, наверное, тоже не спалось, – сказал Эдвард тем дурацким медовым голосом, который использовал только для общения с женщинами.

Агата попыталась отступить обратно за дверь, но Джетт вскочил, подошел к ней, прихрамывая еще сильнее, чем обычно, и с небрежным видом оперся на притолоку.

– Приветик, – тем же тоном, что и Эдвард, проговорил он. – Как дела? Необычная сегодня погода.

Генри прикрыл лицо рукой. Агата прожигала его таким взглядом, будто это он виноват, что все внезапно сошли с ума.

– Присаживайся на диван, мы рады твоей компании, – пророкотал Эдвард.

Генри едва не застонал, но Эдварда было уже не остановить: судя по всему, дело было даже не в том, чтобы понравиться Агате, а в том, чтобы позлить Джетта. Эдвард взял Агату под руку и проводил до дивана. Та с опаской села и попыталась незаметно положить в карман табличку, но Джетт, несмотря на возмущенное мычание Агаты, ловко выхватил табличку у нее из рук.

– «Генри, не спалось из-за солнца, искала тебя», – прочел он вслух.

– Это невоспитанно! – возмутился Эдвард, но, услышав следующие слова Джетта, замолчал.

– «Давай обсудим, как разобраться с Хью. Я могу быть полезной, я хочу всем это доказать, только не оставляй меня тут. Мама жаждет выдать меня хоть за кого-нибудь, раз уж Симон куда-то пропал». – Джетт помолчал, а потом лицо у него просветлело. – Я знаю, как решить этот вопрос.

– Не вздумай, – сердито перебил Эдвард. – Не до такой степени «хоть за кого-нибудь».

Оба уставились на Агату, и та, бросив на них подозрительный взгляд, вытащила из сумки, перекинутой через плечо, пачку картонных табличек с готовыми надписями. Перебрала их – Генри успел заметить: «Привет», «У меня дар понимать, как работают вещи» и «Я это почию» – и высоко подняла ту, на которой было написано «Что случилось?».

– Ничего, – быстро сказал Эдвард. – Кстати, ты прекрасно выглядишь.

Агата с сомнением оглядела свое старое малиновое платье с невероятно облезлыми кружевами, и Эдвард поспешно прибавил:

– Да, отличное платье. Принадлежало матери твоего отца, верно? А до этого ее матери. Он подарил его тебе на шестнадцатилетие, как раз перед тем, как его убили. Хороший человек был твой отец. Помню, над тобой тогда из-за платья смеялись другие девушки – кружева ценная штука, надо было вашей семье получше их хранить, а так их моль съела еще в прошлом веке. А твой отец сказал, что его мать была самой красивой женщиной во дворце и с гордостью носила это платье, ведь женщины вашего рода не боятся быть смешными, потому что они храбрее всех.

Агата слушала его с широко раскрытыми глазами, и Генри слышал, как Джетт еле слышно пробормотал: «И кто еще тут ловкач без стыда и совести?» Тем временем Агата, вынув из сумки пустую табличку и кусок угля, торопливо нацарапала:

«Откуда ты все это знаешь? Ты десять лет бродил, как призрак, и ни с кем не разговаривал».

– Я следил, – со значением сказал Эдвард. – Следил за всеми. Иногда вы меня не замечаете, а я тут как тут. Поверь, я это умею.

– Буду теперь проверять каждый угол, заходя в комнату, – вставил Джетт.

– Ты действительно не боишься, что я прикажу тебя наказать за то, как ты разговариваешь с наследником престола? – уточнил Эдвард.

Джетт помотал головой и уселся на ковер у ног Агаты.

– Не. Мы теперь все будем жить долго и счастливо. Вы больше не выглядите как злобный, высокомерный козел. А ты, Генри, по сравнению с нашей первой встречей стал просто мастером веселья и душой компании. Олдус Прайд обрел дар летописца в ту эпоху, когда есть о чем писать. Придурок по имени Симон, за которого тебя, Агата, хотели выдать, затерялся на просторах королевства. Великий Барс пережил потерю силы и, как это ни странно звучит, умильно сопит в этой кроватке, – его, кажется, и барабанный бой не разбудил бы. В общем, если кто-то ждал счастливого финала, он именно сейчас. – Джетт запрокинул голову, чтобы увидеть Агату, и расплылся в такой улыбке, что она, кажется, действительно достигла ушей. – Кстати, моя мать меня вспомнила. Можно, я тебе расскажу, как было дело?

Агата кивнула. Вид у нее был растроганный, и Джетт торжествующе повернулся к Эдварду:

– А вы, ребята, валяйте, переставляйте деревяшки дальше.

– Это шахматы. Игра для умных, – запальчиво сказал Эдвард, но послушно опустился в кресло: то ли речь Джетта и на него произвела впечатление, то ли ему просто надоело спорить.

Пару минут Эдвард задумчиво барабанил пальцами по столу, а потом передвинул ладью – башенку с зубцами.

– Тебе шах, отбивайся, – довольным голосом сообщил он.

И Генри попытался отбиться, но с каждым ходом думать нужно было все сильнее, а положение его команды белых фигурок становилось все хуже. Четверть часа спустя Генри вдруг обнаружил, что не играет, а полулежит в кресле, размышляя над ходом, которого и вспомнить-то не может.

«Сейчас засну», – подумал он, и в голове у него стало спокойно и тихо.

Когда он открыл глаза, освещение в комнате было каким-то бледным, и в первую секунду Генри испугался, что проспал очередную беду, но, взглянув на часы и в окно, сообразил, что все как раз наоборот. Неестественно яркой луны в небе больше не было, только солнце – позимнему бледное, каким ему и положено быть в это время года в девять часов утра. От облегчения Генри едва не засмеялся. Все были правы: то ли Хью понял, что хватит валять дурака, то ли правда как-то лишился своих внезапных способностей, – вдруг все как-то само устроилось? И тогда можно целыми днями играть в шахматы, болтать с Джеттом, читать книги, кататься на лошадях, выбирать себе комнату, есть и спать, делать все, что захочется, и главное – больше никогда, никогда не быть одному.

Агата стояла у окна, обхватив себя за плечи, и Генри подошел к ней. Она подскочила, и Генри запоздало вспомнил, что он не на охоте и бесшумно подкрадываться было не обязательно.

– И кто из них тебе больше нравится? – спросил Генри.

Хорошее настроение переполняло его, покалывало изнутри, и так хотелось болтать о чем-нибудь приятном, не связанном с бесконечной силой, огнем или опасностью. Впрочем, Агата его порыва не оценила – она посмотрела на спящих Эдварда и Джетта с такой тоской, что Генри даже захотелось встать на их защиту.

– Ну не настолько они ужасные, – пролепетал он, увидев, что глаза Агаты стали какими-то влажными. – Симон, по-моему, был хуже.

Агата махнула рукой, словно хотела сказать: «Не мели чушь», и с ногами забралась на подоконник.

– Ты вообще не хочешь выходить замуж, да? – осторожно спросил Генри. Он уже не рад был, что начал этот разговор, но понятия не имел, вежливо ли будет перевести его на что-то, раз Агата явно собирается заплакать. – Хочешь делать что-нибудь важное, ни от кого не зависеть, быть мастером, так?

Агата сердито помотала головой и, вытащив из кармана пустую табличку и уголь, написала:

«Я должна быть одна».

Второе слово она подчеркнула два раза, и до Генри внезапно дошло.

– Твое заклятие. Джоанна мне сказала, что не может вернуть тебе голос, и оно падет, только если ты выполнишь какое-то там условие. – Он нахмурился. Какой же он болван: они уже месяц знакомы, а он даже вопрос ей не задал. – А в чем оно состоит?

Агата замотала головой с такой силой, что коса перелетела с одного плеча на другое. Губы у нее кривились.

– «Должна быть одна», – повторил Генри и едва не застонал от своей недогадливости. – Но не хочешь, верно? Ты сбежала с нами в поход из городка, где торговала предметами, потому что тебе было там ужасно одиноко, да?

Агата безнадежно кивнула, глядя на его отражение в окне, и Генри в порыве дружеского участия потрепал ее по плечу. Он уже выучил, что люди всегда прикасаются друг к другу, когда хотят утешить.

– Ну, рано или поздно угадаю, – пробормотал Генри. – Итак, ты не хочешь оставаться одна, но не можешь выйти замуж. Верно? Так, секундочку, подожди, я же могу... – Генри стянул с руки перчатку, и Агата отшатнулась. – Я вроде могу снимать заклятие прикосновением.

За месяц он про это даже не подумал, и теперь ему было стыдно, но лицо у Агаты прояснилось, и Генри понял: она не злится. Он осторожно протянул руку и коснулся пальцем ее ключицы.

И ничего не произошло.

– Прости. – Генри натянул перчатку, стараясь не смотреть на красное пятно ожога, которое Агата мрачно спрятала, натянув повыше воротник платья. – Я...

«Во-первых, я тебе не собачонка, которую можно звать, когда понадобится, – скучным голосом сказал огонь, и Генри вздрогнул всем телом. – Во-вторых, я не могу снимать заклятия, у которых есть условие. Они будто заперты в теле, не уберешь».

Генри потер висок. Он ненавидел, когда огонь начинал нашептывать ему на ухо, и Агата будто почувствовала, что он чем-то расстроен. Она мягко сжала его локоть, словно это его тут надо было утешать, и Генри положил подбородок ей на голову. Волосы – не кожа, их он, наверное, не обожжет. Так они и стояли, слушая веселый птичий щебет за окном, и Генри хотелось улыбаться от тишины в собственной голове, от спокойствия, глубокого, как вода.

А потом в дверь громко, настойчиво постучали, и они отпрянули друг от друга. Эдвард, который во сне наполовину сполз с кресла на пол, дернулся и крикнул: «Войдите!», не успев даже открыть глаза. Перси в кровати и Джетт на ковре не шевельнулись, и Генри даже позабывал их умению спать при любых обстоятельствах.

– Доброе утречко, – мрачно сказал Карл, вкатывая в комнату дребезжащий древний столик на колесах, уставленный чайной посудой. – Небесные светила заняли положенные места, но это еще не повод собираться в одной комнате вне различий пола и общественного положения.

Он прожег взглядом сначала Агату, потом Джетта. Агата в ответ нацарапала на картонке «Все это устарело», а Джетт просто показал Карлу язык.

– С кем ваше высочество только знакомство не водит! – проворчал Карл, переводя гневный взгляд на Эдварда. – Грязный рыжий проходимец, девушка, запятнавшая свою честь тем, что онемела и теперь не может рассчитывать на выгодного мужа, и, уж конечно, наш уличный герой! – Взгляд Карла наконец уперся в Генри. – Вы много подвигов нас совершали, спасибо и все такое, но знайте мое мнение: вашу лесную родословную это не подправит, так что не стоит вам столько времени во дворце проводить, пора и честь знать.

Генри и Эдвард переглянулись.

– Ты еще не слышал? – удивился Эдвард. – Нет у него никакой лесной родословной. Он...

– Неважно! – рявкнул Карл. Он, кажется, плохо выпался из-за яркого света, и теперь исправить его настроение не могло ничто. – Его величество приказал отвезти чай господину Генри, где бы в замке он ни был, но кто ж знал, что тут столько народу! Надо еще чашек принести, тут всего одна запасная. – Он уже положил руку на дверь, но вернулся. – А, чуть не забыл, вам записку просили передать.

Он сунул Генри в руку сложенный листок бумаги и захлопнул за собой дверь. Когда в коридоре стихли сердитые шаги, все рассмеялись – Генри даже не заметил, кто начал, порыв смеха просто подхватил всех, как ветер.

– Не ждите его обратно слишком быстро, он пошел жаловаться королю, – сообщил Эдвард с широкой ухмылкой, которую почти никогда не показывал, видимо, считая неподходящей для принца, и при виде нее Генри окончательно поверил, что все будет хорошо.

Генри убрал записку в карман – что бы там ни было, ему не хотелось портить такой момент, – подошел к столу, налил чаю и замер, не зная, кому по правилам хороших манер надо вручить чашку. Разбудить Перси и предложить чай ему? Дать Эдварду? Выпить самому? Он вопросительно посмотрел на Эдварда и улыбнулся, когда тот сразу понял его и незаметно указал на Агату. Та как раз собиралась тихо скрыться и уже почти подкралась к двери, но Генри перегородил ей путь и вручил чашку.

– Выпей чаю и можешь сбежать, я прикрою твоё отступление, – сказал он, потому что сразу понял, что заставило Агату уйти: Джетт достал из кармана гармошку.

Агата фыркнула и взяла чашку обеими руками, глядя на Генри как на старого и дорогого друга. Генри обвел взглядом их всех: заспанного Эдварда, улыбающуюся Агату, безмятежно дремлющего Перси, Джетта, который из всех сил старался придать себе молодежавший и важный вид. Смотрел и не понимал, как люди ухитряются выражать любовь к друзьям и близким. Это чувство наполняло его до краев и не уместилось бы ни в какие слова. Генри отвернулся, наполнил вторую чашку и протянул ее Эдварду.

Но так и не донес, потому что слова настигли его – чужие, незнакомые слова, голос в голове, но только не огня, совсем не его.

«Говорят, все на свете однажды подходит к концу: игры и приключения, пироги и сказки...»

Внезапно чашка показалась Генри слишком тяжелой, пальцы разжались, и она полетела на пол. Но это падение было медленным, таким невыносимо медленным, словно секунду растянули, как кусок смолы. Генри видел, как чашка со скоростью улитки движется в сторону пола, но одновременно с этим видел и кое-что другое: просторную комнату с низким потолком и двумя очагами, людей в креслах у огня. А голос, юный, присвистывающий на букве «с», рассказывал ему историю, не похожую ни на что другое, потому что Генри не только слышал – он видел все глазами этой девушки, чувствовал все то же, что и она, пока она не перестала чувствовать, пока ее глаза не закрылись.

Чашка наконец ударилась об пол, разлетелась на куски, брызги чая взвились в воздух, и в ту же секунду время начало идти так, как ему положено, а Генри так и стоял, тупо глядя на осколки.

– Ты в порядке? – встревоженно спросил Эдвард.

Генри хотел сказать «да», но не смог разлепить губы, у него в ушах все еще стояло плачущее бормотание Свана, слова Мойры и ужасная тишина, когда они затихли. И кое-что еще кололо его в сердце, как заноза: Странник был тем самым гостем, который жарил пастилу на огне. Перед смертью Мойра подумала, что в комнате кого-то не хватало, и теперь, вглядываясь в ее воспоминания, Генри видел: кресло рядом со Сваном было пустым. Мало того, окровавленный лоскут ткани, который Хью вырвал из пустоты, был того же темно-зеленого цвета, что и плащ Странника. Значит, именно он запустил луной Хью в затылок. Значит, он на их стороне, и он был прав, во всем прав, Генри должен был остановить Хью раньше, а теперь они все погибли из-за него, из-за его трусости, из-за того, что он не подумал ни о ком, кроме себя и своей семьи.

Все собрались вокруг него, заглядывали в лицо, кто-то заставил его опуститься в кресло, и Генри с трудом поднял голову, но сказать ничего так и не успел – комнату встряхнуло, и свет померк.

Эдвард оказался у окна первым. Он отдернул штору, и лицо у него окаменело.

– Что за... – выдохнул Эдвард, и Генри закрыл глаза.

«Зря меня не послушал, – насмешливо прошептал огонь. – Поздравляю, ты опоздал».

Глава 2

Рокировка

Генри всегда казалось, что науку впечатляюще появляться и исчезать волшебники осваивают годами, но у Хью, похоже, оказался прирожденный талант. Выглянув в окно, Генри почувствовал, что сердце стиснулось до размеров лесного ореха. На город с невероятной скоростью напознала грозная туча, и она не была бесформенной, как положено тучам. Два ярких сполоха молний постоянно вспыхивали в одних и тех же местах, словно глаза, а под ними была прореха, напоминающая рот, и только Генри успел об этом подумать, как рот начал двигаться – в такт словам.

– Она тебя даже не видела никогда, – внятно сказала туча, сверкая молниями, и Генри показалось, что он сходит с ума. Голос Хью он отлично помнил, но никак не ожидал услышать его вещающим с небес. – И все равно перед смертью обратилась к тебе. Думал, я не узнаю?

– Не буду тратить время на вопрос «Что происходит?», – выдохнул Джетт, вцепившись Генри в локоть. Туча открыла рот шире, и дворец мелко задрожал. – Бежим.

От ужаса у Генри рубашка к спине прилипла, но он кое-как заставил себя соображать. Туча выглядела так, словно собиралась проглотить дворец целиком, и Генри решил не проверять, насколько у Хью плохо с головой и доведет ли он дело до конца.

– Возьмитесь за руки, – сипло проговорил Генри.

– Думаешь, поможет? – выдавил Джетт, но под взглядом Генри послушно схватил взмокшими пальцами руки Генри и Агаты.

Та вцепилась в Эдварда, а Эдвард – в Перси, который наконец-то проснулся. «Дом Тиса», – изо всех сил подумал Генри и представил его так ярко, как только мог. В комнате уже было совсем темно, туча раскрыла свой злой облачный рот прямо над крышей, Генри слышал в далеких коридорах топот и взволнованные голоса, но в следующее мгновение все эти звуки начали таять, а запах грозы сменился запахом пыли, вечно висающим в гостиной Облачного дома.

Джетт, кажется, неудачно приземлился на больную ногу и растянулся на ковре, утянув за собой остальных. Несколько секунд они впятером барахтались на полу – от пережитого ужаса не до всех дошло, что руки соседей можно уже отпустить. Генри отполз первым: он почувствовал, что от всего происходящего огонь взбодрился.

«Теперь ты в уголке не отсидишься, – напевал он. – Такого врага мечом не зарубишь, хорошо, что меч нам и не нужен».

– Заткнись, – устало сказал Генри.

Эдвард рядом с ним замолчал, и Генри сообразил, что тот рассказывал Перси, что произошло, пока он спал.

– Да уж, я недооценил Хьюго, – пробормотал Перси.

Он тяжело дышал, озадаченно щупая то место на шее, где бьется пульс. Лицо у Перси было удивленное, будто он и забыл, как проявляется волнение в человеческом теле.

– Я должен был еще ночью с ним разобраться, – выдавил Генри. – Тогда Мойра бы не погибла. И ее отец, и повар, и...

– Надо вернуться, там моя мать. Что, если эта рожа в небе всех убьет. Что, если... – дрожащим голосом перебил Джетт. – Когда я сказал «бежим», я имел в виду «из комнаты», а не «из города». Я возвращаюсь.

Он поднялся и захромал в прихожую, но Генри дернул его назад, каждую секунду ожидая, что потолок рухнет или стены сомнутся, как бумага. Хью может все, что помешает ему и сюда добраться? Идиот, кретин, ну почему он не послушал Странника?

– Стой, успокойся. Ему нужен я, остальных он не тронет, – сказал Генри с куда большей уверенностью, чем чувствовал.

Все смотрели на него так, будто он должен был немедленно сказать им, что делать. Генри поймал себя на том, что вот так же смотрит на Перси, но тот молча вытянул из-под кресла одну из кошек Тиса, прижал ее к себе и свернулся клубком в углу дивана. Генри почувствовал укол раздражения, – как можно быть таким беспечным, когда такое творится! – но потом заметил испарину на лбу Перси, его плотно сжатые губы и зажмуренные глаза, и гнев разом исчез.

– Ты всегда был таким слабым? – спросил он, усаживаясь рядом. – До того, как... Ну... стал Барсом?

Бывали плохие и хорошие дни, – не открывая глаз, пробормотал Перси. – Простите, друзья, я и забыл, какая это слабая вещь – тело. Вы мне никак не поможете, обсудите-ка лучше, что делать с Хью. За меня не волнуйтесь, болезнь – это путь, по которому каждый идет в одиночку. – Он выпустил кошку и лег на бок, обхватив себя обеими руками. – Не помогает, их силы тоже не бесконечны. Тис берег своих котиков и не использовал слишком часто, а в последнее время у них было много работы.

Последние пару фраз Генри едва разобрал – голос Перси стал тихим и смазанным, будто язык больше ему не подчинялся. Эдвард вытянул из рук перепуганной Агаты таблички и уголь и протянул все это Генри.

– Я читал про интересное решение любой проблемы, – сказал Эдвард. – Записывать все идеи, какие приходят в голову, даже самые глупые, чтобы рано или поздно набрести на удачную. Озаглавь этот список: «Как победить мерзкого бессмертного козла» – даже странно, что в этот раз речь не про Освальда, – и приступай. А я кое-что попробую сделать, и для этого мне нужна тишина.

Генри отказываться не стал – он не прочь был чем-нибудь занять руки, чтобы не начать ломать мебель от отчаяния. Он так рассчитывал, что Барс просто скажет ему, что делать, поможет ему, но, кажется, помощь нужна была самому Перси.

– А нам что делать? Молчать, пока Хью крушит дворец? – раздраженно спросил Джетт, но под взглядом Эдварда тут же сник.

– Там остался и мой отец тоже, – отчеканил Эдвард, сел около Перси и взял обе его руки в свои. – А с тем, чтобы помолчать, тут нет проблем ни у кого, кроме тебя.

– Если у него смертельная болезнь, вы ноги протянете, забыли? – нервно поинтересовался Джетт. – Я не заплачу, но кое-кто явно заплачет.

– Стой, я помню, не тупой, – пробормотал Эдвард с закрытыми глазами, словно почувствовал, что Генри шагнул к нему, чтобы оттащить. – Но я тут подумал: что, если я могу не просто лечить, а управлять своим даром, видеть, что делаю, отдавать не все подряд, а сколько нужно.

Генри заставил себя сесть обратно и не мешать. Перси задышал ровнее, серый цвет понемногу начал сходить с его лица.

– Как же люди сложно устроены, – замороженно пробормотал Эдвард. – Ты просто... Ты родился таким. Это что-то серьезное, большое, что-то с костями в спине.

– С позвоночником, – подсказал Генри, вглядываясь в его болезненно сосредоточенное лицо.

– Я ничего тут не понимаю. Но я... – Эдвард открыл глаза и встал. – Я научусь и вылечу тебя. Ты больше не один, ясно?

Перси с улыбкой прислушался, будто не мог поверить в биение собственного сердца. Выглядел он и правда лучше, а Эдвард даже не побледнел.

– Я бы так хотел вам помочь, но я понятия не имею, как уговорить Хью, – виновато сказал Перси, садясь ровнее. – Когда я был Барсом, никто не пытался от меня избавиться, так что опыта в таком деле у меня не больше, чем у вас.

В комнате повисло молчание, прерываемое только переступанием мягких лап – остальные кошки внезапно повылезали из своих укрытий и теперь бродили, ища уютные местечки на плечах или коленях присутствующих. Генри согнал Пастилку, поставившую лапы ему на грудь, – трудно сосредоточиться, когда перед глазами маячит пушистая белая морда, а у него как раз появилась отличная идея.

– Хью может найти нас здесь? – уточнил Генри.

– Вряд ли он пока владеет силой настолько, чтобы разглядеть в ткани мироздания тайные убежища волшебников, – покачал головой Перси.

– Как ты вообще видел мир, когда был Барсом? Мог разом смотреть во всех направлениях?

– Нет, только в одном. Сразу за всем не уследишь, вещи идут своим чередом, – объяснил Перси, усадив себе на колени сонную рыжую кошку. – Но если рядом с Хью окажется кто-то, кто хочет ему навредить, он наверняка почувствует угрозу и прикончит врага любым доступным способом.

– То есть Барс и правда знал все мои мысли, как мама мне в детстве говорила? – с ужасом переспросил Джетт. – Прости за все, что слышал в моей голове за эти годы.

– Нет, мысли читать я не мог, – фыркнул Перси, – но всегда улавливал общие намерения.

Все подавленно замолчали – озарений на тему того, как победить существо с бесконечной силой, ни у кого, кажется, не было. Тишину нарушал только скрип угля, которым Генри царапал по картону. Записывать идеи оказалось неожиданно удобно, словно так они обретали больший вес.

Когда картонка закончилась, Генри выпрямился и бросил уголь на стол.

– Нужна будет помощь Алфорда или Джоанны, много волшебных предметов и согласие Свана. Помните, как Освальд переплавлял творения мастеров в напиток подчинения, а Тис точно так же создал меч, который может убить кого угодно?

И Генри прочел им список всего, что нужно будет сделать. Когда он закончил и поднял голову, сразу стало ясно, что аплодисментов он не дожидается: все смотрели на него так, будто он сказал что-то ужасное.

– Как думаешь, Перси, сработает? – спросил Генри. Тот медленно кивнул.

– Не хотел бы я быть твоим врагом, – выдавил Джетт. – Слушай, Генри... Ты же всегда был добрым даже к тем, кто об тебя ноги вытирал. Никого не убивал, ни с кем не поступал вот так. Что изменилось?

– Хью это заслужил, – отрезал Генри. – Он убийца, я чуть не потерял свою семью из-за этого подлого крысеныша, и если других возражений нет, то вперед.

– Одолеть врага, потеряв при этом человеческое достоинство, – это не победа, – покачал головой Перси. – Нет, Генри. Это жестокий план, а ты никогда не был жестоким.

– Если бы Эдвард остался мертвым, я бы своими руками вырвал этому ублюдку сердце, – спокойно сказал Генри. – Так что оцените мою сдержанность и давайте начинать.

Эдвард поднялся и с непонятым выражением лица подошел к нему.

– Знаешь, что я заметил? – сухо спросил он. – Ты делаешь всех вокруг хорошими людьми, у тебя к этому прямо талант, и пришла пора нам вернуть должок. – Он наклонился к Генри и положил руку ему на плечо. – Не будем так поступать. Вот это я сожгу, и считай, что мы ничего не слышали, ладно? – Эдвард взял у него из рук картонку и убрал себе в карман. – А теперь пораскинь своими героическими мозгами и придумай что-нибудь не настолько мрачное.

– Веселое представление, в котором никто не пострадает? – огрызнулся Генри, а потом рот у него округлился, потому что внезапно собственные слова показались не такими уж глупыми. – Надо отвлечь его внимание. Он тупой и самоуверенный, на этом его и подловим. А я тем временем...

Генри посмотрел на свои руки. Он не смог снять заклятие с Агаты, но ведь силу Хью получил без всяких условий, так что может сработать. Правда, огонь словно услышал его мысли и больно толкнул в грудь изнутри – он явно был не в восторге, что его опять собираются натравить, как пса, но его мнения Генри спрашивать не собирался.

– Джетт, помнишь, как я расколдовал Олдуса Прайда, когда Освальд дал ему напиток подчинения? – с усилием проговорил он, потирая грудь.

– Такое забудешь, – фыркнул Джетт, сжимая и разжимая кулаки: видимо, беспокоился о матери.

Впрочем, Генри оценил то, что панические крики Джетт теперь держал при себе.

– Я тогда понял, что, прикоснувшись, забираю сначала волшебство, а уже потом жизнь. То есть жизнь я ни у кого еще не забирал и не собираюсь, – спохватился он, заметив выражение лица Эдварда. – Перси, я помню, как ты сказал, что у Хью силу теперь не отобрать, но, думаю, мой дар это правило не учитывало. Короче, делаем так: я иду к Хью, прикасаюсь к нему, забираю силу, отдаю ее Перси, и он снова превращается в Барса.

– Простите, друзья, – покачал головой Перси. – Не хочу. Я даже забыл, какое это счастье – быть просто человеком. Даже нездоровым, – кивнул он в ответ на недоуменный взгляд Агаты. – Генри, хочешь оставить ее себе? Из тебя получится отличный волшебник.

– Нет, я тоже хочу быть просто человеком. Очень хочу.

– Может, мне отдадите эту силу? – с надеждой спросил Джетт. – Я бы нашел ей применение. Всем в королевстве пожелал бы денег и большие дома.

Агата закатила глаза, а Перси мягко сказал:

– Если Генри не хочет такого подарка, думаю, будет лучше, если мы перенесем силу за Предел, где она мирно лежала с начала времен, и там же она и останется. Я видел в паутине будущего, что однажды враги, которые уничтожили мою деревню, придут снова, и сила понадобится кому-то, чтобы их победить.

– Так и сделаем, – согласился Генри. – А Хью посадим в Цитадель, и пусть думает там о своем поведении до конца жизни. Вопросы?

– Один есть, – поднял руку Джетт. – Что, если ты не удержишься, прибьешь Хью волшебной силой своих рук и превратишься в Разрушителя с большой буквы «Р»?

– Не прибыю, – отрезал Генри. – Я управляю своим даром лучше, чем любой разрушитель в истории, уж поверь.

– За что я люблю тебя, друг, так это за скромность, – пробормотал Джетт, и лицо у него немного расслабилось.

– А вы можете мне отвлечь внимание Хью, чтобы он не заметил, как я подкрадываюсь, – подытожил Генри. – Вот что надо сделать...

С каждым его словом лица у всех вытягивались сильнее, и под конец его речи изумленным выглядел даже Перси.

– Полнейшее безумие. Мне нравится, – подытожил Джетт, когда стало ясно, что остальные всерьез потеряли дар речи.

– А я что буду делать? – спросил Перси.

– Ничего. Ты не пойдешь.

Перси издал протестующий звук, и Генри подошел к нему.

– Можно мы посмотрим дом? Никогда не был в жилище волшебника, – громко сказал Эдвард.

Генри благодарно кивнул ему: Эдвард был мастером дипломатии и отлично чувствовал моменты, когда людей надо оставить наедине. Когда за ними закрылась дверь, Генри присел на край дивана и уложил обратно Перси, который пытался встать.

– Ты нам нужен живым и здоровым, – сказал Генри и, поймав на полу еще одну кошку, уложил ее рядом с Перси. – У тебя есть я, твой белый ферзь, и я все сделаю.

Перси рассеянно погладил кошку. Он выглядел совсем хилым, и от этого Генри охватило ужасное ощущение, которому он не сразу отыскал название: он чувствовал себя безнадежно взрослым, как будто его детство закончилось в этот самый момент. Добрый волшебник, который хранил его, пока он рос, исчез, и теперь, отныне и навсегда, придется самому разбираться со всеми своими неприятностями. Он обнял Перси, стараясь не касаться голой кожи, и тот сжал его обеими руками в ответ, а потом отстранился и важно сказал:

– Благословляю тебя на подвиги, герой новых времен. Иди и побеждай.

Барс всегда любил торжественные напутствия, и хотя бы это не изменилось.

– Поспи тут, а когда все закончится, я приду и разбуджу тебя. Обещаю, – сказал Генри.

А потом встал, поклонился и вышел в прихожую не оглядываясь.

Джетт сидел в кресле около входной двери и разглядывал гладко причесанный затылок Агаты. Та не обращала на него внимания – трясла нижний ящик комода, пытаясь понять, как он закреплен в пазах. Эдвард занимался тем, что нарочно пытался встать так, чтобы загородить Джетту вид.

«Вот ведь набрал ты себе помощников – сущие дети», – задумчиво сказал огонь, и Генри дернулся от неожиданности. Огонь редко делал замечания, не связанные с жаждой кого-нибудь прикончить.

– Через эту дверь можно выйти куда угодно, – сказал Генри, привычно пытаясь оттолкнуть чужие мысли. – И я готов поспорить, что знаю, где искать Хью.

Он сжал ручку входной двери. Недавно он был уверен, что никогда больше туда не вернется, но, кажется, жизнь про твои планы не спрашивает.

– А воодушевляющую речь? – сдавленно спросил Джетт у него за спиной.

– Давайте постараемся не умереть, – сказал Генри и потянул дверь на себя, но Джетт вцепился в его запястье.

– Стой, друг, можно тогда я скажу?

Генри нехотя выпустил ручку и обернулся. Кажется, не только Джетту было не по себе – Агата, выпустив ящик комода, наматывала кончик косы на палец, Эдвард тревожно поджимал губы.

– Валяй, – сказал Генри.

– В общем, слушайте: я помню, что вот на этом самом месте, в этой прихожей я поверил, что волшебство существует, – зачастил Джетт. – С тех пор я всякого волшебства навиделся, и хорошего, и плохого, но до сих пор счастлив, что оно есть. И мне... Мне приятно тут быть, несмотря на грустный повод. И я рад, что у меня есть такой друг, как ты, Генри. – Он вдруг смутился, и шея у него покраснела. – Короче, давайте надерем зад Хью, он вообще не заслуживает того, что получил. Ура и вперед!

– Всегда мечтал услышать напутственную речь со словами «надрать зад», – задумчиво сказал Эдвард. – Доложу отцу, как его новый музыкант расширяет мой словарный запас.

Генри дернул на себя дверь, пока эти двое опять не начали, но краем глаза все равно успел заметить, что Джетт показал Эдварду в спину какой-то непонятный жест, который вряд ли выражал добрые пожелания.

– В Хейверхилл, – громко сказал Генри и шагнул за порог, в золотистое солнечное сияние.

Он уже приготовился вдохнуть ледяной воздух северного леса – там зима наверняка еще не кончилась, – но еще до того, как туман вокруг рассеялся, понял: что-то не так.

– Хм, что за запах? – пробормотал у него за спиной Джетт, продвигаясь сквозь туман неуверенными шажками. – Жареные сосиски? Котлеты? Сырные шарики на огне?

Джетт шумно втянул слюну, и Генри хотел уже попросить его замолчать, но тут дымка вокруг растаяла, и от удивления он забыл, что хотел сказать.

– Что-то я помню ваш Хейверхилл другим, – пробормотал Джетт. – Может, вернемся и попробуем еще раз?

Генри покачал головой. Он по опыту знал, что домом волшебника как средством перемещения можно воспользоваться лишь единожды в сутки, во всяком случае, ему, человеку: до завтрашнего дня, как ни воображай себе Облачный дом, туда не попадешь. К тому же Дом еще ни разу не выводил в неверное место.

– Ты вот здесь жил десять лет? – растерянно спросил Эдвард, озираясь.

Самой деревни было не видно, – очевидно, они оказались в горном лесу неподалеку. Во всяком случае, крутой уклон земли был таким, как Генри помнил, но в остальном...

Вместо мощных, полных достоинства сосен вокруг росли какие-то пузатые, искривленные деревья-коротышки. Листья у них были по-осеннему разноцветные, среди них тут и там висели мясистые плоды. Неподалеку потрескивал искрами костер – очень аккуратный, разведенный по всем правилам, с жарким и ровным огнем. Над огнем на двух колышках лежал вертел с кусками мяса, и Генри уставился на него во все глаза. Никто не жарит мясо на таком сильном огне, надо, чтобы он догорел почти до углей, и по всем законам природы эти куски уже должны были превратиться в головешки, но они только слегка подрумянились, аппетитно шипя и роняя сок.

– Что-то мне все это не нравится, – подытожил Джетт, и с ним трудно было не согласиться.

– Действуем по плану, – твердо сказал Генри.

Он настороженно вглядывался в этот странный лес, но нигде не было ни движения, только осенние листья шелестели на ветру, и их печальный запах перебивал даже аромат костра. Что-то здесь было не так, какая-то мелкая, едва заметная деталь выглядела странно, но Генри никак не мог ухватиться за эту мысль как следует. Он велел себе успокоиться и скользнул за дерево, потом за другое, зигзагами удаляясь от остальных, так, чтобы даже они не знали, где он спрячется, и наконец выбрал удобную ямку в земле, откуда поляну с костром было хорошо видно. Он лег животом на шуршащие мертвые листья и приготовился ждать, стараясь ни о чем не думать, скрыть не только тело, но и разум. Дышать ровно. Прятаться так, как прячутся звери, –

полностью сливаясь с обстановкой. А Эдвард тем временем шумно вздохнул, пробормотал: «Не верю, что мы всерьез это делаем» – и сделал шаг вперед.

– Эй, Хьюго! – крикнул он и слегка поклонился, прижав руку к груди. – Слышишь меня? Я принц этой земли, а ты теперь ее всемогущий повелитель, так почему бы нам не побеседовать?

Тишина.

Эдвард подождал, затем громко крикнул:

– Ну давай, обрати ко мне свой взор! Покажись, ты же меня слышишь!

По листьям прошелестел ветер.

«Деревья, – подумал Генри. – Что-то не так с их количеством».

– Я могу убить тебя на месте, – сказала пустота, и Эдвард подскочил.

– Это было бы очень скучно, – дрогнувшим голосом ответил он. – Ты ведь тогда не узнаешь, зачем я пришел.

– Я и так знаю. Вы все желаете мне зла и смерти. Вы мне не нужны, где Генри?

– Его здесь нет, – тонким голосом сказал Джетт. – Только мы.

– Ну конечно. Вы прикрываете его, так? – процедил голос, и небо чуть потемнело.

– Я пришел сразиться с тобой! – выпалил Эдвард и повернулся вокруг своей оси, не зная, куда именно смотреть.

– И где же твое оружие? – фыркнул голос.

– У меня его нет. В силе мне с тобой не тягаться, но кое в чем интересно будет посоревноваться.

– В чем же? – заинтересовался голос.

– В красоте, – обреченно сказал Эдвард. – Наше королевство наполнено прекрасным, так что и правитель должен быть хорош собой, красиво одет, иметь прекрасные манеры и нравиться женщинам. – Эдвард непринужденно оперся о дерево, потихоньку начиная успокаиваться и входить в роль. – Титул лучшего во всем этом всегда был моим, и я хочу убедиться, что он все еще мне принадлежит. Мне невыносимо думать, что меня могут обойти. Я лучший. Во всем.

– А мы пришли его поддержать! Уж прости, Хью, помню тебя парнем не самой впечатляющей внешности. – Джетт втянул голову в плечи. – Только не роняй мне на голову ничего, ради наших бывших общих приключений.

«Деревья растут группами, побольше и поменьше, – мельком подумал Генри. – Так, надо сосчитать. В одних группах деревьев по десять штук, в других – по четырнадцать». Он привычно оценивал обстановку вокруг, но чем могло помочь знание о том, что повсюду тут повторяются одни и те же цифры, так и не придумал. Генри успел заметить, что плодов на разных ветках тоже то десять, то четырнадцать, но уже в следующий момент все это вылетело у него из головы.

Ветки одного из деревьев зашевелились, и на поляну вышел Хью, хотя Генри был уверен: еще секунду назад там никого не было. Хью был в том же виде, в каком Генри видел его в воспоминаниях Мойры, – высоченный длинноволосый красавец, и хотя Генри успел предупредить остальных, что Хью изменил свой вид, они, видимо, не представляли, до какой степени. Агата вытаращила глаза, Джетт явно прилагал героические усилия, чтобы не засмеяться. Хью самодовольно усмехнулся.

– Ну как? Выкусил? – Он подошел к Эдварду, и тот как-то сразу поблек. – Убирайся, пока я не прикончил тебя снова, второй раз спасти будет некому.

– Не уйду. Да, ты впечатляешь, но столько лет тренировок не прошли для меня зря, – небрежно сказал Эдвард, вздернув подбородок.

Хью взбешенно уставился на него.

– Волосы у тебя длинные, вид ложенный, – продолжал Эдвард, – но наряд безвкусный, уж прости.

– У меня идея, – сказал Джетт. – Давайте вы посоревнуетесь, а мы оценим. Агата же девушка, она в этом понимает!

Генри оценил усилия, которые прикладывала Агата, чтобы сделать слабое и незащищенное выражение лица. А Джетт тем временем бочком шагнул к Хью, держа обе руки на виду, и шепотом сказал:

– Агата, по-моему, болеет за этого хмыря, но я, друг, за тебя. Терпеть его не могу. Кстати, тебе не нужен помощник? Я готов. Всегда рад перейти к победителю, а ты победил.

Хью взглянул на него подозрительно, но лицо у него расслабилось: Джетт умел врать с такой убежденностью, что ложь пропитывала его до кончиков пальцев. Читать мысли Хью не мог, но, как сказал Перси, чувствовал угрозу, а Джетт ничем ему не угрожал.

– Посмотрим, – внезапно смягчился Хью. – Что, разве есть сомнения, что я лучше?

Он посмотрел на Агату, и та потупила глаза, всем своим видом говоря, что не знает, кому отдать предпочтение.

– Начнем, – бодро проговорил Эдвард. – По росту ты выигрываешь. Волосы шикарные. Плечи шире, чем у меня: это, увы, приходится признать.

– Победа у тебя в кармане, – тихо сказал Джетт, подмигнув Хью.

– Но вот одежда... – начал Эдвард.

– Что? – огрызнулся Хью. – Она богатая!

– Чересчур. Чувство меры тебя подвело. Золото хорошо смотрится, когда его мало. Ты же всесильный, можешь сделать свой наряд, скажем, черным? Самый благородный цвет. А пуговицы можно оставить золотыми.

Хью закрыл глаза, и одежда изменилась. Агата одобрительно кивнула.

– Лучше, – одобрил Эдвард, – но все-таки скучновато. Я понял: тебе нужен свой цвет.

– Красный? – выдал Хью, придирчиво оглядывая себя.

– Вульгарно.

– Зеленый?

– Как мундиры посланников.

– Серый? – медленно свирепея, спросил Хью, но Эдвард покачал головой. Он, кажется, действительно вошел во вкус.

– Не впечатляет.

– Так, мне надоело, – разозлился Хью. – Все, последнее слово. Назначаю своим цветом... – Он завертел головой по сторонам и, щурясь, остановил взгляд на солнце. – Желтый! Желтый, как солнце!

В ту же секунду его наряд стал цвета яичного желтка.

– Ну как? – самодовольно спросил Хью.

– Предлагаю немного поиграть с оттенками, – с каменным лицом сказал Эдвард, и Генри восхитился его выдержкой: Хью был похож на птенчика-переростка. – Я читал большой трактат о сочетании цветов.

– Ты же не девчонка, чтобы этим интересоваться, – хмыкнул Хью, оглядывая себя в неизвестно откуда взявшееся большое зеркало, прислоненное к дереву.

– Нет. Я всесторонне образованный человек, – невозмутимо ответил Эдвард. – Интересных книг в библиотеке не так уж много, а мне было одиноко.

– Ага, конечно! Хлыщам вроде тебя одиноко не бывает, к вам все так и липнут.

– Узкие у тебя представления о мире, Хьюго, – с чувством сказал Эдвард. – Так, ладно. Давай-ка штаны сделай темнее, цвета охры, рубашку светло-желтой, почти белой, а оттенок куртки ближе к оранжевому. – Хью послушно изменил наряд, но Эдвард покачал головой. – Слишком ярко. Может, куртку все же сделать серой, но вложить в карман желтый платок?

– Мне и так нравится! – разозлился Хью.

– Я тебя поддерживаю. Отличный наряд, братец, – шепотом сказал Джетт и громко прибавил: – Агата, ты согласна присудить Хью победу за лучший наряд?

– Что там еще нужно знать главному красавцу? – спросил у Эдварда заметно повеселевший Хью.

– Compliments и обходительность. Вот, смотри.

Он подошел к Агате и, взяв ее руку, прикоснулся к ней губами.

– Сегодня прекрасная погода, леди, вы не находите? – сдержанно спросил он. – Может быть, прогуляемся в саду?

– Тут нет сада, мы в лесу, – мстительно вставил Джетт, и Хью одобрительно хмыкнул.

– В лесу, – поправился Эдвард и уставился на Агату таким страстным взглядом, что та поежилась. – Будь я солнцем, красавица, я мечтал бы любоваться вашим лицом беспрестанно! Будь я травой, я бы...

– Мечтал, чтобы ты поставила на меня свой каблук, – вставил Джетт и, пихнув локтем Хью, захохотал так, словно очень смешно пошутил. – Ты понял, да? Я вроде как подкаблучником его обозвал. Эй, ваше высочество, хватит комплиментов, мы уже все поняли! Отойдите, уступите дорогу будущему новому любимцу королевства!

Он подтолкнул Хью в сторону Агаты, и Генри мысленно отметил, что Хью, к счастью, не придумал какого-нибудь правила, запрещающего другим людям к нему прикасаться. А Хью тем временем вразвалку подошел к Агате, взял ее под руку, как делал Эдвард, и проникновенно заглянул в глаза. Агата побледнела.

– Ты – что надо, – сказал он. – Волосы длинные, глаза большие. Ты, в общем, похожа на девчонку, и даже злющий характер тебя не портит.

Агата смиренно поклонилась, прижав к груди руки, и Джетт зааплодировал.

– Отлично! Уверен, победу можем засчитать великому Хьюго! Ура!

Эдвард и Агата присоединились к аплодисментам, Хью польщенно улыбнулся, и Генри сразу почувствовал: вот он, тот самый момент. Мгновение, в которое Хью настолько погружен, что не отвлечется, даже если опасность будет у него под носом.

Рывком вытащив руку из перчатки, Генри выскользнул из-за дерева и в десяток бесшумных, стремительных шагов подобрался к Хью со спины. Чтобы забрать волшебство, нужно прикоснуться и тут же убрать руку, главное – побороть соблазн продлить прикосновение, не дать огню то, что он хочет. Но сейчас Генри этого не боялся, он был совершенно спокоен.

Вот только головокружительного ощущения волшебства, перетекающего в его руку, он так и не почувствовал.

«Паника – худший враг охотника», – говорил ему Освальд, когда они жили в лесу, и, как Генри ни старался, чтобы это ужасное чувство никогда его не настигало, он прекрасно знал, как протекает паника в человеческом теле.

Стадия первая: сердце на пару секунд перестает биться, мир вокруг замирает, тишина поет: «Ты крупно прокололся», и ты словно издалека наблюдаешь, как на тебя несется разъяренный зверь, или как ширится трещина на льду замерзшей реки, где ты стоишь, или как из раны, которая сначала показалась тебе царапиной, продолжает хлестать кровь.

Сейчас Генри почувствовал тот же удар оглушительной тишины: он прижимал пальцы все сильнее, но они безобидно касались прохладной кожи Хью, явно не причиняя никакого вреда. А потом до Генри дошли разом три вещи: Хью по-прежнему стоял к нему спиной, даже не вздрогнув, остальные тоже как-то подозрительно замерли, а вот огонь ревел внутри, шипел от страха и разочарования. Он почему-то не мог прорваться наружу, что-то теснило его обратно, и это была вовсе не сила воли хозяина.

– Знаешь, чего я пожелал себе, когда Сван променял наши священные братские узы на какую-то девчонку, а ты скрылся от меня во дворце? – поинтересовался Хью, будто и не замечал, как Генри сзади давит ему на шею.

Болван Хью наверняка даже не знал таких выражений, как «священные узы», и почему-то его внезапно расширившийся словарный запас напугал Генри больше, чем то, что собственная рука оставалась холодной.

– Я пожелал себе ума. Спасибо Страннику, подал мне отличную идею, – спокойно сказал Хью и постучал себя пальцем по виску. – Хотел понять, как мордастый мог так поступить со мной и куда ты спрятался.

Он развернулся, и Генри попятился. Еще пять минут назад на этом идеальном лице отражались знакомые раздражение и глупость, по которым легко было узнать прежнего Хью, но сейчас верзила выглядел невозмутимым и серьезным, и Генри с трудом сглотнул. Пора было уже что-то делать, но он застрял на первой стадии паники под названием «такого не могло со мной произойти».

– Мой новообретенный ум подсказал мне, что Сван без меня стал счастливее, и это было очень обидно, – сообщил Хью таким тоном, будто они мирно беседовали за завтраком. – Тебя я найти не смог, но решил, что это не беда, ты и сам ко мне придешь. Оказывается, думать так приятно! Начинаешь ясно видеть все вокруг, да и слов на свете куда больше, чем мне раньше казалось. Я изучил добрую половину всех, какие есть, – время для меня теперь идет как-то странно.

Генри заставил себя отвести от него взгляд и наконец понял, что тишина вокруг – не плод его оцепеневшего воображения. На поляне все замерло: и листья деревьев, и языки пламени в костре. Запахи жареного мяса и осени исчезли, словно были фальшивыми. Агата, Эдвард и Джетт стояли неподвижно, будто окаменели, – даже глаза не двигались.

– Кстати, умеешь ты играть в прятки: пока твои друзья ломали комедию, я даже твоего присутствия не чувствовал. – Хью снисходительно похлопал Генри по щеке, и тот не отстранился, так его поразило то, что Хью, кажется, вовсе не обжегся. – Знаешь, мне даже приятно было поверить, что они пришли со мной поиграть, вот я и решил вести себя, как раньше. Оказалось, я был таким жалким типом – понимаю, с чего ты меня всегда презирал.

Стадию паники номер два Генри называл «дикий ужас», но заставил себя, как учил Освальд, перейти сразу на этап «успокойся и думай». Генри медленно выдохнул, заставляя огонь утихомириться: тот бился ему в ребра, напуганный проигрышем, и Генри отчаянным усилием заставил его свернуться в клубок и не мешать. Не все потеряно: с новым Хью, поумневшим и рассудительным, договориться наверняка будет легче, чем с прежним, непредсказуемым и безмозглым.

– Я тебя не презирал, Хью, – сказал Генри, натягивая перчатку обратно, и мысленно похвалил себя за то, что голос не дрожит. – Ты теперь и сам понимаешь, что вел себя глупо. Тебе, наверное, есть за что на меня злиться, но всегда лучше договориться, чем воевать. Верни к жизни Мойру и остальных, оставь силу за Пределом, и я обещаю: никто тебя не накажет. Просто отпразднуем, что все закончилось.

– Снова стать уродливым идиотом, каким я был? – насмешливо спросил Хью. – Всерьез предлагаешь?

– Можешь оставить себе и ум, и красоту. – Генри улыбнулся, стараясь, чтобы улыбка была широкой и дружелюбной. – По рукам?

Он протянул Хью правую руку, и тот взглянул на нее, приподняв свои идеально ровные брови.

– Хорошая попытка, – задумчиво протянул он. – Вот только она не учитывает то, о чем я мечтаю больше всего на свете.

– Новый дом? Титул? Какой-нибудь волшебный предмет? – предположил Генри, лихо-радочно думая, чего еще может хотеть Хью. – Получишь все, что захочешь.

– А ты стал дипломатом, – одобрительно хмыкнул Хью. – Еще одно словечко, которое я выучил. Мы оба изменились, а? Знаешь, когда я обрел эту силу, оказалось, что не так уж много вещей способны порадовать того, кто в любой момент может получить, что захочет. Но кое-что совершенно не потеряло в цене.

Хью толкнул окаменевшего Джетта, и тот упал на спину, не меняя позы, как статуя. Генри вздрогнул от неожиданности, но дружелюбно улыбаться не перестал.

– Говори, устроим, – сказал он, и Хью шагнул ближе, так что его золотые локоны коснулись щеки Генри.

– Сначала я хотел тебя убить, но с этим повременю, к чему торопиться, – ласково сказал Хью. Его голос стал тише: мягкий шепот на ухо, от которого у Генри похолодела спина. – Для начала хочу сделать так, чтоб тебе вообще расхотелось жить.

Итак, стадия паники номер два, «дикий ужас»: пульс скачет, как бешеный, пот льется по спине, попытки здраво мыслить с грохотом проваливаются, в голове стучит только: «Беги, беги, беги». Хью ждал, жадно изучая лицо Генри, а тот мысленно умолял огонь вернуться, вспыхнуть сильнее и разобраться с этим сумасшедшим козлом. Огонь не вернулся – он был древним могучим существом, но прикосновение к Хью вызвало у него страх, которого Генри совершенно не ожидал.

«Он слишком силен, – прошептал огонь Генри на ухо изнутри, и никогда еще этот ненавистный голос не звучал так жалко. – Я пламя, но он – солнце, которое сжечь невозможно. Поздравляю, ты сдохнешь, а мне придется ждать следующего воплощения».

С этими словами огонь затаился, ушел в глубину, и Генри остался один. Все инстинкты кричали ему бежать, но он не мог оставить здесь тех, с кем пришел.

– Отомрите, – довольным голосом сказал Хью, словно по взгляду Генри понял, о чем тот думает.

Все трое вздрогнули и завертели головами. Джетт барахтался на земле, как опрокинутый жук, и Эдвард с неподвижным лицом поднял его, дернув за куртку.

– Не вышло? Почему не вышло? – жалобно спросил Джетт, глядя на Генри, и Хью ответил за него:

– Ваш драгоценный друг – слабак. Мои способности сильнее его дара, вот и все.

«Странник был прав», – подумал Генри, и эта мысль взбодрила его, он вцепился в нее изо всех сил.

Странник сказал, что его можно позвать, если понадобится, – и как бы ни было ужасно то, что он предлагал, любой вариант был лучше, чем наблюдать, как Хью жадным, неподвижным взглядом смотрит на Эдварда и остальных.

Те не отводили глаз от Генри, будто ждали, когда он скажет им, что делать, и спасет их. Хью фыркнул.

– Я тут узнал, что слово «привязанность» появилось из-за золотых нитей, которые связывают людей с теми, кого они любят, – сказал он, откидывая назад прядь волос, и взгляд его слегка остекленел, будто он всматривался во что-то за пределами человеческого зрения. – Чем сильнее взаимная любовь, тем толще нити. А ты, Генри, оплетен ими со всех сторон, и, поверь, я поиграю на них, как на скрипочке.

Все вокруг снова пришло в движение: подул ветер, снес в сторону огонь костра, зашумел листьями.

– Тебе не надо какие-то... Не знаю, заклинания читать? – пролепетал Джетт, который не мог заткнуться даже перед угрозой смерти.

– Нет, – равнодушно пожал плечами Хью. – Мне достаточно просто пожелать – все в этом мире теперь мне подчиняется. Но если хочешь, хромоножка, я буду щелкать пальцами, чтоб ты знал, что я чего-то пожелал. Например, чтобы у тебя башка отлетела. Ну что, щелкаю?

– Стой, – выдавил Генри. Мысленно он звал Странника изо всех сил, но тот не приходил: наверное, испугался так же, как и огонь. Надеяться больше было не на кого. – Ты... ты ведь стал умнее. Значит, понимаешь, что тебе не за что мстить и не за что меня ненавидеть.

– О нет, наоборот, – терпеливо ответил Хью. – Глупец не может даже близко постичь глубины ненависти, на которую способен умный.

Небо потемнело, ветер начал срывать листья с деревьев, взметать над землей. Агата сжимала кулаки, буравя Хью злобным взглядом, Джетт жался к ней, Эдвард, судя по всему, думал, как найти выход из положения, и это его так занимало, что он даже бояться не успевал.

«Пожалуйста, приди, – сбивчиво думал Генри. – Спаси их, я сделаю все, что хочешь, все что угодно».

– Они будут знать, что их убила любовь к тебе. И знаешь, что веселее всего? – как ни в чем не бывало спросил Хью, и Генри с ужасной тоской подумал, что Хьюго, кажется, действительно рехнулся. – То, как легко будет найти их всех.

Хью стоял совсем рядом, но Генри плохо слышал его, и сначала ему казалось, что это из-за шума крови в ушах, но потом он понял, что ветер уносит все звуки в сторону, – вокруг была уже почти буря, мертвые листья кружило над землей, голые ветки полоскал ветер. Костер потух, упавший вертел катался по земле, куски мяса были густо облеплены землей, и у Генри мелькнула мысль схватить вертел и загнать его Хью в глаз, но он помнил, что эту сволочь даже волшебный меч не взял, так что не стоило и пытаться.

– Я могу проследить каждую золотую нить, идущую от тебя к другим. – Хью схватил двумя пальцами что-то невидимое. – Найти каждого, кому ты дорог. Раз уж ты любезно привел ко мне этих троих, начну с них, потом перейду к остальным. Поверь, торопиться я не буду – у меня есть все время на свете.

Он сказал еще что-то, но Генри прослушал: он увидел такое, что паника наконец разжала свою мерзкую ледяную хватку. Около кучи золы, оставшейся от костра, там, где еще секунду назад никого не было, стоял человек в низко надвинутом зеленом капюшоне.

– Давай, сделай меня сильным, – еле слышно пробормотал Генри. Он дошел до той стадии ужаса, когда становится все равно, что будет дальше, главное – выкрутиться прямо сейчас. – Быстрее.

Я сказал, что это возможно, но я не говорил, что это просто, – невозмутимо проговорил Странник. – Положение твоих фигур на доске хуже некуда, Генри. Тебе шах и сейчас будет мат, из этого даже я не знаю, как выбраться: уж прости, раньше не бывал в такой ситуации. Но я тебя не брошу, как и обещал. Успокойся и скажи, что мне сделать. Перенести вас в дом волшебника – не вариант, такие перемещения оставляют след, и Хью пойдет за тобой. Придумаешь – помогу. Вслух не обязательно, просто подумай, я тебя слышу.

Генри ясно видел, как двигаются губы Странника, но, похоже, слышал его он один: Хью и остальные даже не обернулись, хотя стояли совсем рядом. От облегчения Генри чуть не разрыдался. Ему помогут, его не бросят, он не станет причиной смерти своих друзей, которых Хью разглядывает так, будто они – куски мяса, а ему надо решить, который проглотить первым. Генри зажмурился. Нужно что-то срочно придумать, но что? Хью со своей проклятуей силой отыщет сначала его, а потом – каждую нить, ведущую от него к другим. Разве что... Генри распахнул глаза. В голове у него мелькнуло нечто настолько безумное, что он попытался тут же затолкать мысль обратно, откуда пришла, но тут Хью подошел к перепуганному Джетту, и тот подался назад.

– Начну с тебя, колченогий, – весело сказал Хью, протягивая к Джетту руку. – Знал бы ты, как меня раздражаешь, не полез бы сюда.

Генри инстинктивно бросился к ним, но Хью сделал движение, будто отталкивал воздух, и Генри швырнуло назад. Падая лицом на мертвые листья, он успел подумать, что переходит на стадию паники номер три, худшую из всех: «Глупые решения». Провалился в ледяную реку? Бессмысленно хватайся за края полыньи. На тебя несется разъяренный лось? Ляг на землю. Тебе пришло в голову решение, которое отнимет у тебя самое дорогое? Действуй.

– Ну ты даешь, – вдруг сказал Странник с таким одобрением в голосе, что Генри даже смог оторвать взгляд от Хью и вскинуть глаза на него.

«Ты можешь это сделать?» – сбивчиво подумал Генри, вцепившись в землю так, что костяшки пальцев заломило. Хью неспешно ходил вокруг Джетта: положение спасало только стремление Хью выжать из пленников весь возможный страх, прежде чем хоть что-то сделать.

– Ох, Генри, видел бы ты свое лицо, – выдохнул Хью. – Как же тебе страшно. Вечно мог бы на это смотреть.

– В шахматах есть прием под названием «рокировка»: положение фигур на доске меняют, чтобы спасти короля, – пояснил Странник так спокойно, будто тоже, подобно Хью, имел все время на свете. – Ее, правда, нельзя проводить, чтобы вывести короля из-под шаха, а в этой партии король именно ты, но уж ладно, сегодня особенный день. Вот только в обмен на помощь мне придется взять с тебя обещание, что ты избавишь нас от Хью любым возможным способом – это королевство не заслужило такого волшебника, как он.

Остатками здравого смысла Генри понимал, что согласиться будет худшей идеей за всю его жизнь. Но тут Хью нагнулся над Эдвардом, продолжая жадно следить взглядом за Генри, и тот подумал: «Я все сделаю». Губы Странника тронула улыбка – не то довольная, не то печальная. А потом он внезапно оказался прямо рядом с Генри, протянул ему правую руку, и Генри сжал ее.

В ту же секунду мир изменился. Вместо людей Генри теперь видел сияющие силуэты, от которых во все стороны тянулись нити из того же самого света. На месте Странника не было ничего, абсолютная пустота, хотя Генри по-прежнему чувствовал его руку, на месте Хью – ослепительный сгусток света, и правда жгущего, как солнце.

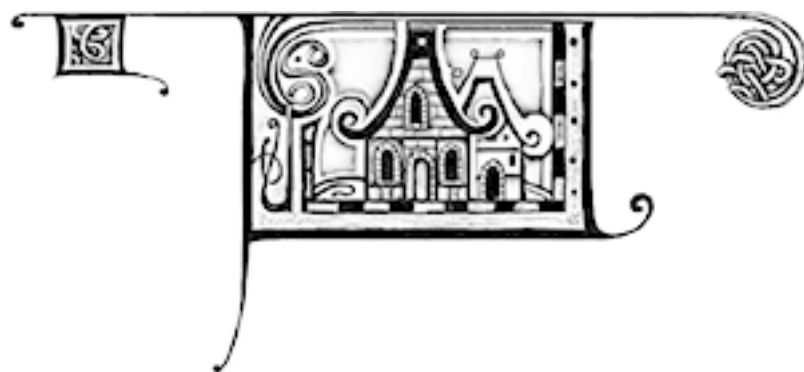
Три золотистые нити связывали Генри с Эдвардом, Джеттом и Агатой, остальные шли вдаль: наверное, к Освальду, королю, Розе, Уилфреду, Перси, Карлу, Олдусу и другим. Время словно остановилось, и Генри успел заметить, что самая мощная нить связывает его с Эдвардом, а вторая по толщине, должно быть, идет к Освальду. А затем Странник протянул вторую руку – на этой оборотной стороне мира, сотканной из света, она была как пятно темноты, – одним движением собрал нити, берущие начало от Генри, и резко дернул их на себя.

– Рокировка, – торжественно объявил Странник.

Но Генри едва его расслышал: он почувствовал такую резкую, нечеловеческую боль, будто у него вырвали сердце, и закричал, даже не думая о том, что Хью может услышать.

Хью с перекошенным лицом развернулся к нему, но не успел даже рта раскрыть: клубок разорванных нитей, отброшенный Странником, вспыхнул, и во все стороны от него прокатилась золотая волна. Эта волна ударила с такой силой, что всех вокруг оторвало от земли и отшвырнуло назад – даже Хью не удержался на ногах.

Генри почувствовал, как его протащило по воздуху, но упал он уже не на влажную, пахнущую осенью землю, а на совершенно другую поверхность, – и ударился об нее с такой силой, что потерял сознание.

Глава 3

Тайное убежище

Открыв глаза, Генри увидел над собой потолок настолько роскошный, что сомневаться не приходилось: он дома, в королевском дворце. Генри с трудом сел, не зная, за что схватиться, – за спину или за голову. Спина болела, потому что пол, на котором он лежал, был очень твердым, а вот по какой причине раскалывается голова, Генри вспомнил не сразу, а вспомнив, поперхнулся. Неужели получилось? Серьезно, неужели получилось? Отвлек его звук шагов – к счастью, во дворце все, даже мужчины, носили обувь на каблуках, и цоканье было слышно издали, незаметно не подкрадешься. К тому моменту, как человек вырулил из-за угла, Генри уже отскреб самого себя от пола и встал, прислонившись к стене: ему не хотелось встречать результаты своего безумного поступка, лежа посреди коридора.

Карл тащил поднос, уставленный чайной посудой, с таким мрачным видом, что Генри широко улыбнулся. Плохое настроение Карла было неизблемым, как горы, а чай – самой мирной вещью на свете. Кажется, королевский дворец был в полном порядке.

– Привет, Карл, – сказал Генри и затаил дыхание. – Узнаешь меня?

Карл настороженно замер и мелкими шажками начал отступать туда, откуда пришел. Дробный звук его шагов становился все быстрее, раздался грохот – похоже, Карл так мчался, что с подноса упали ложки. Генри хмыкнул и пошел в другую сторону, мимоходом удивившись силе головной боли: у него даже зубы ныли, будто их корни ввинчивались в челюсти. Он с трудом сосредоточился на извилистых закоулках дворца, пытаясь заставить их вывести его, куда нужно. Времени было немного, Карл наверняка скоро доберется до места назначения, а до этого надо отыскать Эдварда.

Эдвард нашелся в Золотой гостиной – вот только выглядела она куда более обжитой, чем Генри помнил. На диванах валялись подушки, столики были уставлены пустыми кубками и тарелками. Эдвард сидел, расслабленно откинув голову на спинку дивана, и болтал с четвер-

кой парней, сидевших вокруг, – Генри узнал в них придворных, которых пару раз встречал в дворцовой столовой.

– Ну и тут я ей говорю: «Милая красавица, это не вы веер потеряли?» – весело договорил Эдвард, и парни покатались со смеху.

Эдвард и сам засмеялся – громко, свободно, до морщинок вокруг глаз, – а потом увидел Генри в дверях и захлопнул рот. Придворные вскрикнули и попытались все вместе спрятаться за один диван, из чего Генри сделал вывод, что храбрости у них не прибавилось даже теперь, когда...

– Ты кто такой? – нахмурился Эдвард. Его рука дернулась к виску: значит, дара ощущать чужую боль он не лишился. – Я позову охрану, негодяй, и тебя выведут!

– Можешь не звать, они уже бегут сюда, – рассеянно ответил Генри, всматриваясь в его лицо.

Эдвард, хоть и морщился от головной боли, выглядел отлично – здоровым, отдохнувшим, беззаботным, и Генри затопило сумасшедшее, мучительное облегчение от того, что план удался и Эдварду ничего больше не грозит. По коридору застучали шаги – Карл, судя по всему, справился даже быстрее, чем Генри рассчитывал, – и, прежде чем дверь в гостиную распахнулась, Генри успел спросить:

– Отец здоров?

– И с чего же, интересно, королю быть больным? – холодно спросил Эдвард, поглядывая на дверь. – Спасибо, здоровье у него отменное.

Тут в зал вбежал Карл, за ним – пышно разодетые охранники. Генри окружили и схватили за плечи, и он подумал, что охрана во дворце такая же неумелая, как и раньше, – если бы захотел, раскидал бы всех парой движений.

– Ох, да у вас прямо чутье на неприятности, – с облегчением сказал Эдвард и упал обратно на диван. – Не знаю, что это за тип, но выведите его, он своими сапожищами весь ковер затоптал.

Придворные начали вылезать из-за дивана, старательно делая вид, что не прятались, и Генри хмыкнул:

– Удачи, ваше высочество. Берегите себя.

На этих словах Генри вышвырнули из комнаты, но он успел заметить, каким растерянным взглядом посмотрел Эдвард ему вслед.

– Я и не знал, что грязнули за стеной так беспокоятся о монаршем благополучии, – услышал Генри, прежде чем дверь закрылась. – Это даже мило, господа. Ну ладно, так вот, насчет того бала...

– Безобразие! – ворчал Карл, пока охранники тащили Генри по коридору. – Как он сюда пролез? Велю господину Уилфреду всю смену охраны наказать!

Они вышли из дворца и спустились через сад по мраморной лестнице. Охрана у Восточного хода под ругань Карла отворила дверцу в крепостной стене, и Генри вытолкали на площадь. Когда дверь с грохотом захлопнулась за ним, Генри спокойно огляделся – горевать и прощаться с родным домом было некогда, да и во время встречи с Хью он так перетрусил, что теперь страх словно не мог больше до него дотянуться.

Последний раз, когда он видел эту площадь, торговых рядов тут не было – сам Генри их когда-то и сжег, – но теперь все прилавки снова были на месте, и в них бойко шла торговля. Краем уха Генри услышал, как продавец расхваливает «шикарные новенькие бочки от мастера-бочара, не подтекают, вон какие ладные!», а потом его внимание отвлек человек, громко вещавший на дальнем конце площади. Генри сразу узнал эту копну туго закрученных светлых кудрей и начал пробираться сквозь толпу – послушать, что происходит.

– Поверьте, так все и было, я точно знаю! – умолял Олдус Прайд.

Голос у него предательски подрагивал: он говорил как человек, который сотый раз повторяет одно и то же, а никто не слушает.

– Ему же запретили тут появляться, только смущает всех! – негодовал какой-то старик, пытаясь спихнуть Олдуса с пустого ящика, на который тот забрался. – Эй, господа посланники, сюда! Я его держу!

Через толпу начал пробираться широкоплечий посланник в зеленом мундире. При виде его Олдус упрямо выпятил челюсть, но, когда посланник со вздохом потащил его с ящика, слез.

– Слушай, ну мы же просили: хоть не в общественных местах, – зашептал посланник, и Генри наконец заметил, что на Олдусе мундира больше нет, вместо него – старая куртка с протертыми локтями.

– Это хорошая история, – упрямо сказал Олдус, и посланник взглянул на него, как смотришь на дорогого тебе человека, когда подозреваешь, что у него не все в порядке с головой.

– Очень хорошая, – терпеливо ответил здоровяк, волоча Олдуса за собой в сторону корпуса посланников. – Только это неправда, ты все выдумал, понимаешь? Когда же ты успокоишься-то! Дженнифер! Эй, Джен! – рявкнул он, задрал голову к окну. – Забери его, он снова начал!

– А для тех, кто хочет еще разок услышать пусть и не столь увлекательную, но правдивую историю про обретение Сердца, в шесть часов состоится ежедневное представление! – звонко выкрикнул за спиной у Генри до боли знакомый голос. – Сегодня в программе сценка «Уничтожение Дома всех вещей»!

Генри обернулся. Джетт стоял в паре шагов от него и бойко зазывал публику, хлопал по плечам знакомых, подмигивал детям, и Генри подошел к нему.

– Расскажи мне про обретение Сердца прямо сейчас, – спокойно сказал он, хотя у него что-то дрогнуло внутри от равнодушного взгляда, которым Джетт скользнул по нему.

Восторг от удачного трюка с Хью потихоньку начал съезживаться и бледнеть, а мысль о том, что же он наделал, росла и росла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.